This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HL 1RAN B

HARVARD
LAW
LIBRARY

RUS
997
CHE

A7
Chernov, A.M
Iz volostnoi...

Bd. Jan. 1935

HARVARD LAW LIBRARY

Received

Николаю Дмитріевичу Сергѣевскому
отъ глубокоуважающаго автора.

А. М. Черновъ.

НАБРОСОКЪ СООБРАЖЕНІЙ.

ИЗЪ ВОЛОСТНОЙ ЮСТИЦІИ.

Цѣна 1 рубль
съ пересылкой.

NB. Выручка отъ продажи изданія, за покрытіемъ расходовъ, имѣетъ поступить въ кассы Волостныхъ Правленій 3-го земскаго участка, Гжатскаго уѣзда.

ГЖАТСКЪ,
Типографія А. Макарова, Петербургская ул.
1895.

II 0 101

А. М. Черновъ.

НАБРОСОКЪ СООБРАЖЕНІЙ.

ИЗЪ

ВОЛОСТНОЙ ЮСТИЦІИ.

ГЖАТСКЪ.
Типографія А. Макарова, Петербургская ул., д. Город. Общест. Банка.
1895.

Дозволено цензурою. Москва, апрѣля 15 дня 1895 года.

Съ 19 Февраля **1861** года крестьяне по маловажнымъ дѣламъ подлежали въ судебномъ отношеніи дѣйствію статей 93—110 «Общаго Положенія о крестьянахъ», въ главѣ «о Волостномъ Судѣ».

Статьями этими предоставлялось Суду подвергать виновныхъ—общественнымъ работамъ до 6-ти дней, аресту до 7-ми дней, штрафу до 3-хъ руб. и **розгамъ до 20-ти ударовъ**, при чемъ вошедшій въ силу приговоръ исполнялся волостнымъ старшиной безъ всякаго промедленія и въ точности.

Преобразованному въ **1889** году волостному суду предоставлена несравненно большая компетенція какъ по роду подсудныхъ дѣяній, такъ и по размѣрамъ наказаній, но способъ исполненія рѣшеній оставленъ прежній для всѣхъ случаевъ, кромѣ **сѣченія**, *приговоръ о которомъ можетъ быть исполненъ не иначе, какъ съ особаго позволенія земскаго начальника, имѣющаго право видоизмѣнять сѣченіе—въ штрафъ или арестъ.*

По введеніи въ дѣйствіе «Положенія о Земскихъ Начальникахъ», неразлучнаго съ «Временными Правилами о Волостномъ Судѣ», практика земскихъ начальниковъ въ дѣлѣ *замѣны* и не замѣны (т. е. допущенія

или недопущенія) розогъ оказалась неустойчивой и «Отчоту смоленскаго губернатора о ревизіи», сдѣланной имъ въ 1893 году въ преобразованныхъ учрежденіяхъ, выпало на долю вызвать живой интересъ и обмѣнъ мнѣній въ періодической печати по вопросу о тѣлесномъ наказаніи вообще и въ частности о томъ, **насколько былъ правъ «земскій начальникъ», упразднившій въ ввѣренномъ участкѣ практику сѣченія.**

Вопросъ о розгахъ не перестаетъ и понынѣ волновать общественное мнѣніе, которое въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ выдвинуло даже на очередь ходатайства объ отмѣнѣ розогъ, какъ судебнаго наказанія.

Пробѣгая газетныя сужденія, я вынесъ прискорбное убѣжденіе, что авторы, наиболѣе горячо отстаивавшіе розгу, не имѣли самаго первоначальнаго знакомства какъ съ дѣйствующимъ закономъ, такъ и съ существомъ и практикой трактуемаго предмета, почему и вносили въ общественную мысль одно недоумѣніе.

Съ цѣлью содѣйствовать большему освѣщенію этого вопроса, имѣющаго общее значеніе, я отдаю въ печать набросокъ соображеній, которыя обосновали во мнѣ убѣжденіе о закономѣрной необходимости вывести изъ нормальной сельской жизни — тягостное представленіе о судебной розгѣ, не только безъ нарушенія воли, но во исполненіе мысли Законодателя.

Гжатскъ, 1894 г. **А. М. Черновъ.**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ближайшія основанія и пространство дѣйствія розги въ крестьянской средѣ. *)

I.

Къ 1861 году розга имѣла въ Россіи сравнительно еще широкое примѣненіе, обусловленное, главнымъ образомъ, тѣмъ, что распоряженіе человѣческой личностью было въ громаднѣйшей пропорціи предоставлено помѣщикамъ. Этотъ классъ, не говоря о всякихъ иныхъ правахъ, былъ, съ государственной точки зрѣнія, почти исключительнымъ и отвѣтственнымъ администраторомъ деревни, хотя не получающимъ жалованья отъ правительства, но а) несущимъ по отношенію къ нему обязанности—(уплата повинностей, поставка рекрутовъ, внѣшнее благочиніе въ селеніяхъ и т. под.); б) сосредоточивающимъ въ своихъ рукахъ ближайшую власть надъ личностью своего крѣпостного человѣка, и в) заслоняющимъ его отъ правительства во всѣхъ случаяхъ, кромѣ совершенія даннымъ Иваномъ важнаго преступленія, караемаго по коронному уголовному суду. Помѣщику, какъ всякому законному пріобрѣтателю, было предоставлено право надъ купленнымъ или унаслѣдованнымъ предметомъ, т. е. надъ деревней съ ея живымъ инвентаремъ и въ частности—надъ человѣческой личностью мужика, (кромѣ права на убіеніе его), а потому естественно, что право помѣщика служило основаніемъ не только для полезнаго направленія

*) Въ виду имѣется коренная Россія, но не окраины.

физическихъ и умственныхъ силъ крѣпостного, но и для противодѣйствія не желательнымъ уклоненіямъ со стороны послѣдняго. Отсюда вполнѣ объяснимо, что помѣщики, руководимые субъективными побужденіями, проявляли свое воздѣйствіе на волю крѣпостного человѣка, между прочимъ, въ формѣ тѣлеснаго наказанія при посредствѣ розги.

Розга въ то время считалась обычной карательной мѣрой, такъ какъ сѣченіе, разнствуя по манипуляціямъ и дозамъ, практиковалось одновременно въ учрежденіяхъ, руководимыхъ непосредственно правительствомъ — (казенныя деревни, войска, учебныя заведенія, уголовный судъ и т. п.); поэтому не составляло никакого диссонанса— примѣненіе розогъ къ крѣпостному человѣку, находящемуся подъ командой помѣщика — полицеймейстера sui generis. Равнымъ образомъ слѣдовало считать нормальнымъ явленіемъ различное напряженіе этого рода стимула по мѣстностямъ и вотчинамъ;—сообразно сему, ко времени освобожденія крестьянъ, на всемъ пространствѣ дѣйствія розги, ограниченномъ сферой помѣщичьей власти, можно было отличить три разныхъ напряженія ея.

1) Доживалъ еще, на памяти многихъ нашихъ современниковъ, немногочисленный разрядъ помѣщиковъ, вѣрныхъ аксіомѣ, завѣщанной предками: «за битаго двухъ не битыхъ даютъ»; у нихъ розга считалась факторомъ по улучшенію нравовъ и режимъ безъ розги представлялся неудобомыслимымъ. Для такого рода помѣщиковъ лишеніе возможности владѣть человѣкомъ на правѣ собственности и истязать чужое тѣло отразилось фатально...

2) Жили и остались жить помѣщики, у которыхъ сѣченіе терпѣлось по необходимости, какъ костыль у хромаго.—Съ одной стороны, вынужденные администрировать *безъ жалованья* надъ крѣпостной средой, они, съ другой стороны, *питались* исключительно отъ нея же *), благодаря общему экономическому застою и невозможности найти въ чемъ либо иномъ средства для содержанія своего дома и семьи.

Побуждать волю крѣпостныхъ и извлекать изъ нихъ трудъ для дохода, нормировать жизнь ихъ и бороться съ ея уклоненіями, вредными какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ административномъ отношеніяхъ,—было всего удобнѣе посредствомъ страха, ибо при умственномъ застоѣ у мужиковъ, обусловленномъ отрицаніемъ личной свободы человѣка, никакія этическія начала не могли привиться.

Отсюда, какъ слѣдствіе, вытекали двѣ необходимости:—администрировать чрезъ наказаніе и *пользоваться наименѣе убыточнымъ для кармана наказаніемъ.* Послѣднее достигалось только непокупнымъ тѣлеснымъ воздѣйствіемъ, тѣмъ болѣе, что «штрафъ» съ того, у кого нѣтъ ничего своего, былъ не мыслимъ, «арестъ» билъ по карману самого помѣщика, (а для мужика равнялся освобожденію отъ труда), и, наконецъ, «обязательная работа» вовсе не являла собою наказанія за вы-

*) Воеводы,—эти прежніе прямые представители правительственной власти, тоже не получали жалованья, а посылались на „кормленіе“.

ходъ изъ нормальной жизни, составляя сама нормальную будничную принадлежность крѣпостнаго строя.

Манифестъ о «волѣ» для такихъ помѣщиковъ произвелъ прежде всего переворотъ экономическій, уничтоживъ принципъ даровой—(безъ жалованья, а изъ-за харчей) — работы и затѣмъ снялъ административную власть надъ мужикомъ.

3) Но еще жилъ, крѣпчалъ и множился третій разрядъ помѣщиковъ, у которыхъ за долго до воли березовая вѣтвь служила только для отмахиванья мухъ за обѣдомъ. Этотъ разрядъ, значительно преобладавшій въ вліятельныхъ сферахъ, стоялъ уже на такой незыблемой почвѣ, что могъ выдвинуть изъ себя рьяныхъ враговъ розги и крѣпостничества: безсмертныхъ редакторовъ «Положенія о Крестьянахъ» и первый призывъ мировыхъ посредниковъ, оставившихъ по себѣ неизгладимо свѣтлое воспоминаніе. Ободряемые Верховной Властью составители Положенія о Крестьянахъ, отнявъ навсегда у дворянина право надъ личностью мужика, одновременно ограничили арену розги узкой рамкой — рѣшенія суда равныхъ—(волостнаго).

II.

Съ 61 года сѣченіе получило новый характеръ, другія основы и размѣры.

Надо замѣтить, что составители «Общаго Положенія 61 года» и главы «о волостномъ судѣ» не могли останавливаться надъ задачей выработать Сельскій Судебникъ,

потому, что прошлое въ этой области не давало ничего типичнаго, чѣмъ можно было бы воспользоваться. Кромѣ сферы особо-важныхъ преступленій, вѣдаемыхъ высшими судами, повсемѣстно существовалъ безъапелляціонный, разнообразный и подъ часъ не логичный судъ единоличнаго властителя помѣщика, такъ что никакого характернаго судебнаго строя у крѣпостныхъ не могло быть. Каждое вотчинное правосудіе окрашивалось тѣми особенностями, какими характеризовались сами помѣщики—судьи: въ иныхъ вотчинахъ верхомъ кары было грозное слово барина, въ иныхъ практиковалось переселеніе виновнаго изъ одной вотчины въ другую, продажа по дешевой цѣнѣ, отдача въ солдаты, причемъ сѣченіе было популярно лишь по своей экономической сторонѣ. Полезными источниками въ смыслѣ подражанія и продолженія судебнаго дѣла могли считаться: 1) встрѣчавшіеся въ зачаточной формѣ суды деревенскихъ стариковъ по предметамъ для помѣщика безъинтереснымъ, и 2) Сельскій Судебникъ, составленный для государственныхъ крестьянъ. *) Такимъ образомъ уголовный волостной судъ въ ex-крѣпостныхъ вотчинахъ явился въ 61 году какъ нѣчто совсѣмъ новорожденное, чуждое крѣпостному духу, непривычное, а потому непонятное какъ для самой среды,

*) Писанный судебникъ для послѣднихъ не можетъ считаться удачнымъ, какъ не построенный на научномъ основаніи; къ тому же въ казенныхъ волостяхъ всѣ люди были издавна вольные и то, что годилось для нихъ, не было вовсе пригодно для свѣже освобожденныхъ.

такъ и для состава судилища. — Естественно поэтому, что при такой безпочвенности составители правилъ о волостномъ судѣ ограничились всего 18-ю статьями, въ коихъ намѣтили только принципъ и предѣлы власти мужицкаго судьи надъ равнымъ мужикомъ, молчаливо сказавъ про всѣ прочія функціи судьи: дѣлайте какъ съумѣете, согласно съ народной совѣстью.

Что касается родовъ наказаній, то ихъ надо было заимствовать изъ Сельскаго Судебника для государственныхъ крестьянъ и навязать новому волостному суду.

Роды наказаній оказались крайне нецѣлесообразными, а именно:

1) Арестъ, т. е. бездѣйствіе, безработица, свободное лежанье, мускульный и умственный отдыхъ, иначе сказать такое время-препровожденіе, которое по всѣмъ признакамъ отождествлялось съ праздникомъ для человѣка, не любящаго хороводы и гармонику. Очевидно, что для барщиннаго, негонорируемаго работника, знающаго одну тяготу, но не цѣну времени, такое наказаніе являлось наградой, напоминающей именины барыни, сопровождаемые освобожденіемъ отъ работы.

2) Денежный штрафъ, т. е. взысканіе денегъ съ того, кто съ роду въ рукахъ ихъ не держалъ и счета имъ не зналъ,—являлъ собою наказаніе, неосуществимое при оброчной недоимкѣ и мало понятное въ средѣ, гдѣ всѣ жизненныя потребности удовлетворялись натурально—ручнымъ трудомъ.

3) Общественныя работы—этотъ лучшій родъ наказанія—къ сожалѣнію былъ тоже преждевременъ.

Умѣстны и цѣлесообразны онѣ были-бы въ средѣ возросшей до сознанія общественныхъ интересовъ, а сельская община, построенная на крѣпостной подпочвѣ, была далека отъ такой зрѣлости и представляла изъ себя «опчество» на подобіе чернорабочаго клуба, гдѣ можно на свободѣ только потолковать кто во что горазъ, и примирить пренія безнаказанной выпивкой. Общественная нужда еще не существовала и общественная работа сводилась къ подметанію двора волостнаго правленія, квартирующаго въ избѣ старшины, или, что то же,—сушкѣ его овина. По той же причинѣ размѣръ общественныхъ работъ былъ измѣряемъ временемъ, а не урокомъ и потому продуктивность работы сводилась къ формулѣ: день-да ночь, сутки прочь.

4) Малопригодность всѣхъ названныхъ наказаній не позволяла, такимъ образомъ, отнять окончательно у судей того карательнаго орудія (розга), которое не только было узаконено Сельскимъ Судебникомъ, но и практиковалось въ уголовно-судебномъ обиходѣ помѣщика и одно—на первое время—являлось понятнымъ, привычнымъ и удобоисполнимымъ всегда и вездѣ. Легко предвидя плачевную роль первыхъ судей, предстоявшую-бъ имъ безъ права сѣченія, составители судебныхъ правилъ, руководимые одновременно цѣлью предотвращенія жестокости розги, нашлись вынужденными, безъ строгаго опредѣленія вѣса и мѣры, а въ видѣ компромисса съ прошлымъ, внесть въ новый судебный мужицкій строй наказаніе розгой не свыше 20-ти ударовъ.

Съ введенiемъ волостныхъ судовъ въ дѣйствiе практика оправдала невозможность обойтись безъ розги, но, конечно, опять въ разныхъ мѣстностяхъ было разное напряженiе ея. Архивы волостныхъ судовъ первыхъ лѣтъ показываютъ случаи примѣненiя розги, что лучше всего доказываетъ, что крестьянскiй судья, достигшiй зрѣлости мысли при крѣпостномъ режимѣ и, будучи предоставленъ своему libre arbitre'у, не вездѣ и не всегда умѣлъ разсудить безъ розги. Пересматривая дальнѣйшую практику старыхъ волостныхъ судовъ, не трудно будетъ убѣдиться, что сами крестьянскiе судьи выучивались разсуждать по другому и розги все больше и больше стали выходить изъ употребленiя. Явленiе это очевидно объясняется тѣмъ, что поротая среда стала постепенно утрачивать свою косность, благодаря тому, что китайская стѣна, раздѣлявшая ранѣе крѣпостныхъ отъ интеллигенцiи, превратилась скоро въ соединяющiе мостки. Въ силу экономическихъ и этическихъ побужденiй господствовавшiй классъ и разночинцы не замедлили установить сближенiе съ ех- крѣпостными, перешедшее затѣмъ въ сродство при введенiи земскихъ учрежденiй и судебныхъ уставовъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го. Обѣ реформы вразумили, что всѣ люди равны предъ закономъ и что истинные человѣческiе, т. е. общественные интересы сглаживаютъ сословное различiе. Вносимыя интеллигенцiею антагонисты розги—грамотность и знанiе—безпрепятственно стали проникать съ свойственной непреодолимостью и пронизывали какъ лучами темную крестьянскую массу. Лозунгъ о битомъ и небитомъ за-

мѣнился другимъ:—ученье свѣтъ, а не ученье тьма. Подъ новымъ благотворнымъ вліяніемъ ихъ развилось уваженіе къ личности внѣ зависимости отъ сословности, что мѣшало бытію отрицательной привиллегіи мужика—подлежать сѣченію; выработалось понятіе о денежной цѣнности и время изъ жизненнаго бремени превратилось въ драгоцѣнное благо. Лишеніе денегъ въ видѣ «штрафа» и отнятіе времени (заработка) въ видѣ «ареста»—стали признаваться чувствительнымъ ущербомъ, могущимъ имѣть для ex-крѣпостнаго значеніе наказанія, а потому розга естественно утратила свою исключительную внушительность, что и отразилось народною мудростью въ поговоркѣ:—«накажи мужика не дубьемъ, а рублемъ»

III.

Рядомъ съ этимъ, въ интеллигентномъ классѣ, розга, имѣвшая ранѣе примѣненіе для дѣтскаго возраста, стала выводиться въ учебныхъ заведеніяхъ изъ употребленія, сперва по уговору родителей съ директорами, а затѣмъ по указанію свыше.

Правительственный починъ не ограничивался впрочемъ учебнымъ возрастомъ, а послѣдовательно изгонялъ розгу изъ зрѣлаго возраста, освобождая отъ нея цѣлыя сословія, классы населенія и общественныя группы и корпораціи, широко вторгаясь въ податное сословіе, такъ что, въ общемъ, районъ розги съужался со всей желаемой скоростью. Но какъ ни быстро шла эта деградація розги, точно по заказу играющая въ об-

гонки съ развивающимся свѣтомъ ученья, все-же она двигалась съ такою постепенностью въ бытѣ и законодательствѣ, что не допустила ни разу обратнаго хода и къ настоящему времени упрочила побѣду разумнаго слова надъ палкой.

Ко времени преобразованія волостныхъ судовъ и введенія Положенія о Земскихъ Начальникахъ, т. е. къ 1889 году, постепенными законодательными изъятіями были достигнуты разновременно слѣдующіе результаты въ сферѣ умирающей розги.

На основаніи приложенія къ ст. 30 Улож. о Наказ. и статей 102 и 124 Общаго Положенія, начиная съ 1845 года, изъяты отъ тѣлеснаго наказанія:

1) Весь женскій полъ, не взирая на сословія (и нынѣ даже ссыльныя)—по пункту 2-му закона.

2) Дворяне, потомственные почетные и непотомственные граждане, гильдейскіе купцы, духовенство и т. под., а всего по 3-му пункту закона 15 такихъ группъ, и мѣщане—по 7-му пункту закона.

3) Дѣти изъятыхъ родителей—4 группы.

Такимъ образомъ, оказались изъятыми отъ розги всѣ сословія, кромѣ податнаго и лишенныхъ правъ состоянія.

Въ сферѣ податнаго состоянія изъятія сдѣланы по слѣдующимъ общественнымъ категоріямъ.

4) Воспитанники и ученики разныхъ перечисленныхъ родовъ заведеній, и прослужившіе въ низшихъ должностяхъ и т. п., всего 37 группъ или категорій—по пункту 5-му закона.

5) Имѣющіе знаки отличія .... —по 8 пункту.

6) Разные .... по 9 и 10 пункту.

7) Солдаты, запасные и вообще всѣ, носившіе хотя-бы недолго военный мундиръ—по пункту 12 *) (Сводъ военныхъ постановленій).

8) Всѣ служащіе и служившіе въ выборныхъ общественныхъ должностяхъ.

9) Всѣ старше 60 лѣтъ.

10) Всѣ моложе 10-ти лѣтъ.

11) Страдающіе падучей болѣзнью, грыжей, внутренними и внѣшними аневризмами, грудной жабой, затруднительнымъ дыханіемъ, кровохарканьемъ, водяной, покривленіемъ позвоночнаго канала, приступами апоплексіи и наклонностью къ нимъ.

12) По 6-му пункту случайныя изъятія, всего 11 группъ, въ томъ числѣ напр. крестьяне, состоящіе лѣсными сторожами.

Кромѣ приведенныхъ изъятій, отъ розги избавлены въ настояще время всѣ воспитанники и ученики всякихъ казенныхъ учебныхъ заведеній, уставы которыхъ не даютъ права начальству сѣчь ввѣренныхъ дѣтей; очевидно, что не оставлено привеллегій на розгу общественнымъ и частнымъ учебнымъ заведеніямъ и не подлежить сомнѣнію, что сельскій учитель подвергся бы, по дѣйствующимъ законамъ, уголовной отвѣтственности, если бы наложилъ руку на ученика.

---

*) Кромѣ тѣхъ немногихъ, которые покинули службу не воспользовавшись прощеніемъ штрафа.

Узнавъ кого нельзя сѣчь, т. е. путемъ исключенія, мы получаемъ возможность причинно понять и опредѣлить остаточный контингентъ, вмѣщающій розгу и надлежало бы для наглядности и практическаго употребленія, вмѣсто перечня изъятій, составить перечень лицъ не-изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія по суду. Онъ окажется не богатъ. Оставляя въ сторонѣ женщинъ, а также всѣхъ мужчинъ, прикосновенныхъ къ воинской повинности и другимъ общественнымъ положеніямъ, дающимъ привиллегію жить и умереть, не испытавъ розги, мы получимъ слѣдующій неоформленный кругъ дѣйствія розги. Ей могутъ подлежать:

а) тѣ совершеннолѣтніе не достигшіе 60-ти лѣтъ крестьяне, кои не попали въ солдаты, по причинѣ хилости здоровья, узкости груди, неизлечимости болѣзни или природныхъ увѣчій, а равно и тѣ, кои на свое несчастье вытянули счастливый жребій или имѣютъ льготу, а также перестарки, избѣжавшіе всеобщей воинской повинности; но, однако, сѣченью они подлежатъ лишь при томъ условіи, если они, оставаясь въ деревнѣ, такъ сказать на виду, не отправляли ни разу ни одной изъ выборныхъ должностей;

в) тѣ несовершеннолѣтніе крестьянскіе мальчики, которые имѣютъ болѣе 10-ти лѣтъ, причемъ всѣ до 14-ти лѣтъ могутъ быть отсылаемы, безъ судебнаго наказанія, къ родителямъ на исправленіе, а до 17-ти лѣтъ наказуются въ половинномъ размѣрѣ; отъ 17-ти до 21 года они могутъ подлежать полному сѣченію.... однако, въ томъ лишь случаѣ, если не подходятъ ни подъ одну

изъ группъ изъятыхъ учениковъ. — Но такой перечень обладателей спинъ, не свободныхъ отъ розги, все еще слишкомъ широкъ, такъ какъ даже эти лица, имѣющіе по своему общественному положенію право на судебную розгу, но совершившіе всего одинъ изъ 37-ти родовъ караемыхъ проступковъ (изъ общаго числа 52-хъ родовъ, опредѣленныхъ въ Уставѣ о Наказ., налаг. Мир. Суд. и входящихъ въ компетенцію волостнаго суда *), — наказанію розгами подлежать не могутъ, а подвергаются розгѣ только такіе, кои совершили 16 родовъ другихъ дѣяній, исчисленныхъ въ 36 ст. а равно рецидивисты по 37 ст. врем. прав.—Вотъ несладкіе остатки россіянъ, неизъятыхъ отъ розги и вотъ та тѣсная обстановка, въ которой оставлено Законодателемъ дѣйствіе ея.

IV.

Конспектируя сказанное, увидимъ, что, предъ освобожденіемъ крестьянъ, розга вызывалась хозяйственными соображеніями и терпѣлась какъ дешевѣйшее наказаніе, единственно доступное карману большинства помѣщиковъ, администрировавшихъ безъ жалованья, и что первые волостные суды не могли обойтись безъ нея, такъ какъ для переходнаго времени и для среды, не знавшей цѣны времени и деньгамъ, — розга являлась понятнымъ и умѣстнымъ наказаніемъ.

---

*) Перечень оныхъ будетъ ниже.

Ко времени преобразованія волостныхъ судовъ въ 1889 году, розга, очевидно, потеряла всѣ эти значенія, а независимо отъ этого самъ Законодатель энергично вытѣснялъ ее изъ правомѣрной жизни подданныхъ, безотносительно къ ихъ субъективнымъ качествамъ, а по общему признаку—принадлежности къ такой или иной общественой группѣ.

Раздумывая надъ колоссальнымъ числомъ людей, постепенно изъимавшихся отъ дѣйствія розги и сравнительно ничтожнымъ числомъ, могущихъ нынѣ подлежать сѣченію, приходится невольно задаться вопросами: для чего оставленъ существовать, при реформѣ волостнаго суда въ 1889 году, принципъ розги? Какъ согласовать это явленіе съ несомнѣнно сплошной тенденціей Законодателя къ постепенному упраздненію розги?

Неужели 28 лѣтъ, протекшіе между первымъ учрежденіемъ волостнаго суда и послѣднимъ преобразованіемъ его, не дали никакихъ утѣшительныхъ выводовъ противъ надобности въ неизмѣнившихся 20-ти ударахъ розогъ?

Законодатель, всегда лаконическій, не повѣствующій никогда о своихъ мотивахъ, а сжато изрекающій окончательную волю, молчитъ и на сей разъ, повидимому, не давая отвѣта на поставленные вопросы. Но это молчаніе только кажущееся, и если мы захотимъ доискаться ratio legis оставленной розги въ новомъ волостномъ судебникѣ, составленномъ для современнаго быта, то найдемъ достаточно точные и вполнѣ утѣшительные

отвѣты, т. е. согласные съ прежней неуклонной тенденціей Законодателя.

Допустимъ сначала, что Законодатель пожелалъ бы въ 1889 году совершенно категорично воспретить сѣченіе и не включилъ бы розгу въ число наказаній, налагаемыхъ волостнымъ судомъ. Очевидно для этого, онъ, создавая судебникъ для народа, долженъ былъ питать увѣренность, что вся его страна выросла изъ того младенческаго періода, когда розга можетъ быть еще нужна кой-гдѣ и кой-когда.

Но могъ ли имѣть такую увѣренность Законодатель? Къ сожалѣнію нѣтъ, ибо нѣкоторые органы печати до сихъ поръ, въ открытую, оглушаютъ страну воплями объ оскудѣніи розги, алчно пропагандируя расширеніе ея сферы дѣйствія. Ясно, что при наличности такихъ задатковъ въ нѣкоторой хотя бы части населенія, Законодатель, чутко прислушивающійся къ потребностямъ его, не пожелалъ, издавая всероссійскій Судебникъ, объявить сразу полную и повсемѣстную отмѣну розогъ и отнесся съ терпимостью къ тѣмъ оазисамъ Россіи, гдѣ еще сохранилось уваженіе къ розгѣ. Это предположеніе тѣмъ допустимѣе, что самъ Законодатель назвалъ новый судебникъ «Времен. Правилами». Вотъ въ чемъ, по моему крайнему разумѣнію, можетъ крыться первая причина, побудившая Законодателя отказаться пока отъ повсемѣстнаго, категорически ясно выраженнаго, упраздненія розги.

Возможно рядомъ существованіе другой причины, объясняющей отсутствіе нарочитаго запрета сѣченія.

Твердый въ прежнемъ намѣреніи постепенно достигнуть упраздненія розги, Законодатель проявилъ въ 1889 году чрезвычайную силу въ этомъ направленіи и въ немногихъ словахъ создалъ дополнительно послѣднее громадное изъятіе отъ розогъ, растяжимое до полной отмѣны ихъ по «земскимъ участкамъ». Что бы понять это, надо сперва уяснить себѣ тотъ пріемъ, котораго держался Законодатель, устанавливая изъятія раньше. Не трудно видѣть изъ перечня «изъятій», что Законодатель, отрѣшившись отъ значенія субъективизма подданныхъ, раздѣлялъ свое населеніе на разряды, корпораціи, словомъ на группы, характеризуемыя какимъ нибудь отличительнымъ внѣшнимъ соціальнымъ признакомъ. Не стѣсняясь крупнѣйшимъ размѣромъ изъятій (50% женскаго пола), совершая изъятія по сословіямъ (дворяне) и корпораціямъ (военные), Законодатель нашелся затѣмъ вынужденнымъ образовать группы по мельчайшимъ, но еще уловимымъ для его обширнаго кругозора, признакамъ, выдѣляющимъ въ внѣшнемъ смыслѣ данное званіе изъ среды (напр. случайные лѣсные сторожа, случайные выборные смотрителя хлѣбныхъ магазиновъ и т. под.).

Продолжать далѣе изъятія по группамъ, значило бы допустить такія мельчайшія подраздѣленія, что соотношенія ихъ достоинствъ едва ли могли бы быть зримы съ высоты законодательнаго поста и врядъ ли внѣшніе признаки достоинствъ вышли бы характерными, а дробное установленіе характерности путемъ «изъятія» отъ розги—желательнымъ. Къ этимъ частностямъ я еще

возвращусь въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь полагаю себя вправѣ сказать, что отъ дѣленія остаточнаго населенія на мельчайшія группы Законодатель, по неудобствамъ или инымъ причинамъ, отказался окончательно, и право на учрежденіе «изъятій» передалъ земскому начальнику, оставивъ на его усмотрѣніе продолжать изъятія до послѣдняго человѣка и не лишивъ права изъять отъ розогъ всѣхъ крестьянъ, ввѣренныхъ его надзору. Передача земскому начальнику такого права есть несомнѣнный отказъ Законодателя отъ продолженія изъятій въ томъ «участкѣ», гдѣ не сѣкутъ, гармонирующій одновременно съ терпимостью взглядовъ той среды, къ которой принадлежатъ сочувствующіе розгѣ.

Не ограничиваясь этимъ внѣшнимъ пріемомъ, Законодатель расширилъ область изъятыхъ отъ сѣченія еще другимъ способомъ,—въ учрежденіи лѣстницы наказаній, чрезъ что поводы для присужденія къ розгамъ низведены до исключительныхъ случаевъ. Дореформенный волостной судъ, вѣдавшій только маловажные проступки, небылъ связанъ, въ отношеніи 20 ударовъ розогъ, никакими ограниченіями и могъ сѣчь за самомалѣйшіе пустяки *), такъ какъ всѣ сколько нибудь серьезные проступки были внесены въ «Уставъ о наказаніяхъ», врученный мировому судьѣ, учрежденному рядомъ съ волостнымъ судомъ. Реформированому въ 1889

*) Напр. я зналъ вошедшій въ силу, по необжалованію въ срокъ, приговоръ волостнаго суда, коимъ истецъ, домогавшійся по росписке десяти рублей съ отвѣтчика, былъ приговоренъ къ полученію десяти ударовъ розогъ.

году волостному суду, (заступившему для крестьянъ—мироваго судью) отданъ въ руки «Уставъ о наказаніяхъ», за вычетомъ только нѣкоторыхъ отдѣловъ, сравнительно рѣдко нужныхъ на практикѣ и имѣющихъ значеніе со стороны административно-судебной политики *), такъ что волостной судъ, для дѣлъ между крестьянами, сравненъ въ достоинствѣ съ земскимъ начальникомъ (судьей для некрестьянъ, руководящимся тѣмъ же Уставомъ о наказаніяхъ). Въ соотвѣтствіи съ этимъ увеличена карательная власть волостнаго суда, при чемъ прежній размѣръ штрафа (3 рубля) — удесетеренъ (30 руб.), а арестъ (7 дней) — учетверенъ (30 дней); кромѣ того введенъ новый родъ наказанія — «строгій арестъ» съ содержаніемъ «на хлѣбѣ и водѣ»; сверхъ сего, и только за самоважнѣйшіе проступки, установлено сѣченіе розгами въ томъ самомъ неповышенномъ размѣрѣ, который въ старомъ судѣ считался сообразнымъ для

*) Изъ вѣденія волостнаго суда выключены отдѣлы Устава: по неисполненію требованій разныхъ высшихъ властей (ст. 29, 32, 44, 47, $47/_{2}$, 97), духовныхъ властей (48, $48/_{1-6}$), правилъ о крѣпкихъ напиткахъ ($51/_{5-14}$), о земскихъ собраніяхъ и театральныхъ представленіяхъ (39, 40, $40/_{1}$), о горныхъ порядкахъ, водоснабженіи и освѣщеніи улицъ ($52/_{1-2}$, 53, 54), о тюленьемъ промыслѣ ($57/_{1}$), лѣсоохраненіи ($57/_{2-6}$) за отлучку заграницу (62), перемѣну жительства (63), и сокрытіе обвиняемыхъ (64), о паспортахъ въ городахъ и столицахъ (58—60), противъ правилъ о городскихъ улицахъ (67), о шоссейной ѣздѣ (71—75), о желѣзн. дорогахъ (76), о судоплаваніи (77—87 и 93), о фейерверкахъ (90), о телеграфахъ и почтахъ (99—101), о санитарныхъ мѣрахъ (102 — 110 и 112 — 114), всѣ дѣла о лѣсокражѣ (154—168) и нѣкоторые квалифицированные кражи и обманы ($170/_{1}$ 175—177, $180/_{1-4}$ и 181).

повседневныхъ дѣлъ неудостоившихся даже взойти въ «Уставъ о наказаніяхъ». Такимъ образомъ, нынѣ сѣченіе:

а) съужено по сферѣ дѣйствія до той рѣдкой провинности, когда полагается примѣнять напр. равный розгѣ строгій (15-ти—30-ти дневный) арестъ т. е. максимальное наказаніе;

б) пріурочено къ такимъ проступкамъ, которые ранѣе карались мировымъ судьей даже годовымъ тюремнымъ заключеніемъ (170 ст.);

в) сдѣлалось недосягаемо для всѣхъ тѣхъ маловажныхъ преступниковъ, дѣла которыхъ вѣдалъ старый волостной судъ;

г) и, наконецъ, невзирая на важность дѣянія, сѣченіе не регулировано по числу ударовъ розги, такъ что лицо, рисковавшее за свое дѣяніе при мировыхъ судьяхъ—одногодовой тюрьмой, можетъ нынѣ, на всемъ законномъ правѣ, отдѣлаться однимъ ударомъ розги.

Вотъ до какой степени повышены въ новомъ законѣ сила и значеніе самаго акта сѣченія, и до какой слѣдовательно степени убавлена площадь проявленія этого акта.

Насколько энергично проявилъ Законодатель свою тенденцію можно видѣть еще изъ того, что здѣсь впервые онъ поступился принципомъ незыблемости приговора и дозволилъ земскому начальнику, помимо воли сторонъ и суда, а въ качествѣ администратора (или трибуна, отнюдь не инстанціоннаго судьи), пренебрегать окончательнымъ вошедшимъ въ законную силу судебнымъ

рѣшеніемъ *) и при томъ такимъ, въ которомъ выразился сепаратный взглядъ судей о примѣненіи въ данномъ случаѣ *именно* розогъ: «За проступки, предусмотрѣнные статьями 30-й (вторая часть), 35-й и 36-й Устава о Наказ., налаг. мировыми судьями, при обстоятельствахъ увеличивающихъ вину, можетъ быть назначенъ строгій арестъ, а за проступки, указанные въ статьяхъ 31, 38, 49, 132, 134, 135, 140—143 и 180 (I-я часть) того же устава, наказаніе розгами, *если судъ признаетъ необходимымъ подвергнуть виновнаго именно сему наказанію* (Статья 36-я врем. прав. о вол. судѣ). Принципу незыблемости этого окончательнаго и спеціальнаго рѣшенія, съ безусловнымъ исполненіемъ, противупоставлено нынѣ краткосложное veto земскаго начальника, противъ котораго судъ, сторона и исполнитель рѣшенія (старшина)—безсильны возражать.

Но, если-бы еще оставалось сомнѣніе о новомъ энергичномъ проявленіи давней тенденціи законодательства по умаленію дѣйствія розги, то чѣмъ тогда логически объяснить то поразительное явленіе, что право на розгу дано земскому начальнику (этому новому отъ Правительства администратору деревни), не двустороннее, а *строго отрицательное*, и сказано ему—можешь не допускать сѣченія.

Очевидно, что, если-бы законодательство не требовало умалѣнія розги, а желало-бы statu quo, или увеличенія

*) Временныя правила незнаютъ различія „приговора“ и „рѣшенія“.

розги, то предоставило бы земскому начальнику распоряженіе розгою въ обѣ стороны, и сказало бы ему—можешь замѣнять розгу арестомъ, но можешь и арестъ замѣнять розгой; въ самомъ среднемъ случаѣ, законодательство могло-бы вовсе не упоминать о земскихъ начальникахъ въ области розги, для чего было бы достаточно оставить прежній порядокъ исполненія приговоровъ волостныхъ судовъ о розгѣ, по коему вступившій въ силу приговоръ приводился всегда въ исполненіе, за отсутствіемъ чьего бы то ни было запрета. Такимъ образомъ, сводя все сказанное, я прихожу къ заключенію, что Законодатель, естественно затрудняясь въ выборѣ средствъ для упраздненія остатковъ розги, не нарушая постепенности своихъ дѣйствій, вручилъ въ 1889 году окончаніе своей задачи земскимъ начальникамъ и установилъ «изъятіе по земскимъ участкамъ» *) для всѣхъ еще не изъятыхъ. Этотъ послѣдній пріемъ Законодателя, тѣсно связывающій самые принципы тѣлеснаго наказанія съ практическимъ примѣненіемъ его, составляющій тотъ рубежъ, гдѣ кончается твердая кость, вросшая въ мягкое тѣло, вынуждаетъ меня изложить соображенія о сѣченіи розгами—въ зависимости отъ должности земскаго начальника и формальнаго современнаго закона, нераздѣльно съ указаніями жизни.

---

*) Т. е. какъ бы въ границахъ земскаго участка, въ территоріальныхъ предѣлахъ власти мѣстнаго земскаго начальника.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Опредѣленіе угла зрѣнія на розгу.

Обзоръ сферы дѣйствія розги за послѣдніе 30 лѣтъ, характеризуя тенденцію Законодателя въ отношеніи умаленія этого дѣйствія, не можетъ однако дать прочныхъ основаній земскому начальнику, для безошибочнаго пользованія своимъ правомъ освобождать отъ сѣченія приговоренныхъ.

При практическомъ исполненіи обязанностей каждое должностное лицо, будь то судья или администраторъ, обязано соображать свои дѣйствія не съ тенденціей Законодателя, усмотрѣнной имъ a priori, но причинно связывать ихъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ—съ буквой закона. Поэтому, прежде всего надлежитъ ознакомиться съ имѣющимися для разбираемаго предмета законоположеніями.

12 іюля 1889 г. состоялся законъ гласящій:

Ст. 33 Врем. прав.—Волостной судъ назначаетъ за подсудные ему проступки: 1) выговоръ въ присутствіи суда; 2) денежное взысканіе отъ двадцати пяти копѣекъ до тридцати рублей; 3) арестъ до пятнадцати дней, простой или строгій (съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ). а въ случаѣ, предусмотрѣнномъ ст. 38,—до тридцати дней, и 4) *лицамъ, не изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній,*—(Улож. Наказ. изд. 1885 г., ст. 30, прил.: ст. 2 и слѣд.), *наказаніе розгами* до 20-ти ударовъ».

Ст. 29 Врем Прав. ... «Вступившее въ законную силу рѣшеніе волостнаго суда приводится немедленно въ исполненіе, по распоряженію и подъ наблюденіемъ волостнаго старшины... *Рѣшеніе, которымъ обвиняемый присужденъ къ тѣлесному наказанію,....исполняется не иначе, какъ съ разрѣшенія земскаго начальника, который* **въ правѣ** *замѣнить тѣлесное наказаніе другимъ соотвѣтственнымъ взысканіемъ по правиламъ, означеннымъ въ ст. 41*».

Ст. 41 Врем. Прав. «Лица, изъятыя по закону отъ тѣлеснаго наказанія, взамѣнъ онаго, приговариваются: 1) къ денежному взысканію до 30-ти рублей въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 169 и 172—174 уст. о наказ., налаг. Мир. Судьями, причемъ взысканіе это назначается независимо отъ ареста, и 2) къ строгому аресту на время до 15 дней во всѣхъ остальныхъ случаяхъ».

Ст. 36 Врем. Прав.— приведена полностію выше.

Изъ приведеннаго явствуетъ, что о власти земскаго начальника сказано не самостоятельно, а стороной, и, такъ сказать, въ чужомъ мѣстѣ, по поводу исполненія рѣшенія «волостнаго суда», «старшиною», причемъ начальнику дано глухое (парализующее власть старшины) право замѣны (или что тоже—отмѣны) розги. Основанія замѣны не поясняются ничѣмъ болѣе во всемъ новомъ законѣ, и не обнаруживается вовсе той буквы закона, которая могла бы сказать—когда надо *)

*) Равно не имѣется поясняющихъ циркуляровъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о томъ, при какихъ условіяхъ желательна замѣна и для кого необходимо сѣченье.

и когда нельзя замѣнить розги. Поэтому, право начальника должно быть понимаемо лишь въ широчайшемъ смыслѣ—*по усмотрѣнію земскаго начальника.*

Такое пониманіе подкрѣпляется тѣмъ еще соображеніемъ, что, не вдвинутыя въ рамки, дѣйствія земскаго начальника по замѣнѣ остаются безнаказанными, какъ бы онъ ни поступилъ—замѣнилъ или утвердилъ розги.

Тѣмъ труднѣе становится задача, ибо ни одинъ добросовѣстный дѣятель не позволитъ себѣ руководиться безшабашнымъ произволомъ, (у всякаго барона своя фантазія) и не рѣшится поставить правосудіе и нравственные интересы подвѣдомаго населенія въ зависимость отъ вставанья начальника съ правой или лѣвой ноги, отъ субъективнаго въ данную минуту настроенія его духа. Человѣческая личность, ея тѣлесная неприкосновенность, какъ и опозореніе, не должны быть игрушкой случая, и потому, прежде нежели допустить замѣну или дать разрѣшеніе на сѣченіе, надо установить себѣ прочный взглядъ на эту функцію и держаться этого взгляда не уклонно, дабы завѣдываніе участкомъ являло изъ себя гармоническое цѣлое, неколеблемое ежечасными сомнѣніями и противорѣчивыми дѣйствіями, могущими разрушить всякое довѣріе къ правосудію и администраціи. Короче, за отсутствіемъ прямого закона, надо выработать себѣ согласованный съ мыслію законодателя критерій, которымъ разрѣшать вопросы: когда, почему и т. под.

Но и въ этой подготовительной работѣ нельзя позволить себѣ разсуждать произвольно, какъ вздумается; человѣческое мышленіе, неподчиненное предвзятой схемѣ, а отданное въ зависимость отъ индивидуализма мыслителя, могло бы привести, вопреки всегда единой мысли Законодателя, къ тому же числу выводовъ, какъ велико число самихъ мыслителей.—Возможность возникновенія такого разнообразія взглядовъ показываетъ газетный міръ и общественные отголоски: тамъ каждый понялъ новый законъ по своему, благодаря ложнымъ точкамъ отправленія. Ненавистники розги, извративъ смыслъ закона еще до вступленія его въ дѣйствіе, предвѣщали съ огорченіемъ, что земскіе начальники будто призваны пропогандировать розгу; другіе, сторонники розги, радостно возлагали все упованіе на нее какъ на цѣлителя всѣхъ бѣдъ; въ результатѣ, оба лагеря установили такой высокій курсъ за розгой, что сѣрая масса стала проникаться трепетнымъ ожиданіемъ возстановленія дѣйствія замиравшей розги. Эта худая молва распространилась до того широко, что народное воображеніе изобрѣло даже спеціальную «машинку» для сѣченія, угадавъ, со свойственной мѣткостью, что человѣческимъ рукамъ держаніе розги давно опостылѣло.— Удивляться этому явленію конечно не приходится, ибо если каждая медаль имѣетъ двѣ стороны и поэтому всегда о ней составляются два разныхъ представленія, (въ зависимости отъ того, съ какой стороны смотрятъ), то розга есть медаль весьма разносторонняя. Вотъ почему, чтобъ не впасть въ ложное пониманіе закона,

необходимо отыскать ту относительную высоту кругозора, на которой по презумпціи Законодателя долженъ стоять новосоздаваемый типъ должностнаго лица, получающаго въ руки власть «личнаго усмотрѣнія» или *произвола*. Эту высоту мы обнаружимъ, если обратимся къ порядку назначенія на должность земскихъ начальниковъ, т. е. къ контингенту ихъ дающему *). Въ общихъ чертахъ опредѣляемый на должность: 1) долженъ быть постояннымъ жителемъ и знатокомъ деревни и своего района (помѣщикъ, сохранившій если не родовое имѣніе, то хотя бы усадьбу); 2) имѣть традиціонное благородство мыслей (потомственный дворянинъ); 3) по преимуществу имѣть юридическій образъ мышленія, пріобрѣтенный если не въ спеціальномъ учебномъ заведеніи, то чрезъ практику на должности мироваго судьи или непремѣннаго члена крестьянскаго присутствія и т. п. (При недостаткѣ этихъ лицъ могутъ быть замѣщаемы другіе **); но взгляды сихъ господъ, очевидно, для настоящей справки мнѣ не требуются). Приведенные три наиболѣе Верховной Властью желательныя качества, предполагаемыя въ одномъ индивидѣ, устанавливаютъ три надлежащія точки зрѣнія на розгу:

а) юридическаго анализа;

б) уваженія личнаго достоинства и принципіальнаго отвращенія къ безчестію;

и в) умѣлаго руководительства знакомой средой, въ намѣченномъ Законодателемъ направленіи.

*) Ст. 6—7 Полож. о Земск. участковыхъ начальникахъ.
**) Ст. 15.

Подъ этими тремя углами зрѣнія разсмотримъ функцію земскаго начальника по замѣнѣ розги въ своемъ участкѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Юридическія соображенія о тѣлесномъ наказаніи въ формѣ сѣченія розгой.

Первое требованіе, предъявляемое къ каждому человѣческому разумному дѣйствію,—есть требованіе цѣлесообразности; безъ цѣлесообразности каждое высшее этическое проявленіе было бы розовой, восхитительной мечтою ребенка, дающей одинъ результатъ—преждевременное разочарованіе и огорченіе; а потому, обратно, каждое неодобрительное въ этическомъ смыслѣ проявленіе воли, (напр. насиліе надъ ближнимъ, не достигающее цѣли), составляло бы собою такую гнусную тиранію, за которую нельзя было бы найти ничего въ оправданіе. Въ силу этого, къ каждому наказанію или роду его надо относиться прежде всего скептически, зная, что наказаніе есть нежелательная необходимость, обусловливаемая недостаточнымъ еще развитіемъ современнаго человѣчества; а потому учреждать или примѣнять данный родъ наказанія слѣдуетъ не въ предвидѣніи возможной цѣлесообразности, а послѣ твердаго, доказаннаго убѣжденія о невозможности обойтись безъ него. Прошлое человѣчества, очень богатое типами наказаній, показываетъ, что богатство этого рода всегда совпадало

съ бѣдностью нравственной общественной культуры и чѣмъ болѣе развивалась послѣдняя, тѣмъ скорѣе упразднялись лишніе роды наказаній, а степени оставшихся смягчались.

Не считая нужнымъ доказывать это, я позволю себѣ считать установленнымъ то положеніе, что тѣлесное наказаніе въ формѣ сѣченія можетъ быть примѣняемо, если будетъ доказано, что оно имѣетъ *предпочтительную* предъ другими родами наказаній *цѣлесообразность*.

Второе требованіе, предъявляемое къ человѣческому дѣйствію, это—чтобъ оно посверхъ цѣлесообразности было *правомѣрно* т. е. справедливо; доказывать это положеніе считаю тоже излишнимъ.

А. Цѣлесообразность наказанія розгами, по сравненію съ другими родами наказаній.

I.

Лучшіе умы всегда были склонны искать въ наказаніи не карательную, а прежде всего *воспитательно-исправительную цѣль*, *) которая обѣщала обществу прочный покой, чрезъ улучшеніе нрава преступника, утрачивающаго даже желаніе совершать преступленіе, и одновременно возвращала обществу полезнаго члена его. Насколько вообще была достигаема воспитательная цѣль и какими именно мѣрами, выяснять здѣсь не

*) Сторонники сѣченія преимущественно любятъ группироваться подъ этимъ флагомъ.

приходится; но наказаніе, достигающее исправленія преступника, есть безспорно идеалъ, къ которому стремится каждый законодатель и каждый практическій дѣятель.

Разсматривая въ этомъ отношеніи розгу, мы найдемъ, что наказаніе это производитъ непосредственно два эфекта: страданіе тѣлесное—физическую боль (могущую вліять воспитательно очевидно не силой убѣжденія, а паническимъ устрашеніемъ, для будущаго средоточія силы воли), и страданіе духовное. Каково же воспитательное значеніе каждаго изъ этихъ эфектовъ?

а) Отбросивъ брезгливое чувство, вдумаемся въ *боль физическую*. Уже по первому взгляду, она не составляетъ недѣлимаго конечнаго понятія и большая или меньшая интенсивность ея повлечетъ несомнѣнно разные волевые результаты. Для провѣрки результатовъ болевого эфекта розги на людяхъ, я имѣлъ матеріалъ не вполнѣ достаточный и, напримѣръ, вовсе не знаю воспитательнаго значенія 300—500 и болѣе ударовъ; что же касается малой интенсивности болевого наказанія розгами, единственно доселѣ еще терпимой русскимъ законодательствомъ въ количествѣ до 20-ти ударовъ,—(я не касаюсь устава о ссыльныхъ),—то эта «слабая порція», какъ болевое ощущеніе, никакого полезнаго воспитательнаго значенія, по моему мнѣнію, имѣть не можетъ. Близко соприкасаясь къ сѣрой массѣ, я ни отъ одного отца не слыхалъ, что бы благовоспитанность его дѣтей являлась благодарнымъ послѣдствіемъ сѣченія ихъ; наоборотъ, большинство отцовъ, печалуясь о плохихъ уже

возросшихъ дѣтяхъ, оправдывало свое неуспѣшное отеческое руководительство словами: «ужъ я-ли его не поролъ, а все не искоренилъ его дури, такъ и остался негодяемъ»....Такіе отцы, въ невинности души, не помышляли, что объясненіе негодности ихъ сѣченныхъ дѣтей кроется зачастую въ самомъ сѣченіи. Другіе отцы не рѣдко признавали воспитательную полезность розги, формулируя ее ограничительно: «порка идетъ на пользу только, пока малый поперекъ кровати ложится, а какъ сталъ вдоль ложиться, (выросъ)—то отъ порки одна злобность въ немъ зарождается, а пользы никакой».

Нерѣже, чѣмъ съ отцами, мнѣ приходилось говорить о розгѣ съ сыновьями; изъ нихъ ни одинъ и никогда не заявлялъ мнѣ о своей благодарности отцу за то, что тотъ его поролъ.

Продолжать искать воспитательное значеніе болевого ощущенія въ возрастѣ старше дѣтскаго, врядъ-ли впрочемъ стоитъ труда, ибо кто же будетъ отрицать, что слабая порція розогъ причиняетъ возрастному боль столь легко забываемую, что никакого устрашенія она произвести не сможетъ. Паренье вѣникомъ въ банѣ до рубцовъ считается за удовольствіе, ратоборство на кулачкахъ до кровоподтековъ—за доблесть, а бравированье болью вообще—есть лучшая гордость русскаго простолюдина. Многіе, конечно, видали молчаливыхъ страдальцевъ въ солдатскихъ госпиталяхъ и въ сельскихъ лѣчебницахъ, а кромѣ того мнѣ приходилось знавать самихъ высѣченныхъ, по старому суду, въ волостномъ правленіи. При вызванномъ воспоминаніи о поркѣ

и на вопросъ о боли—всегда въ отвѣтъ получалась улыбка до ушей и разсказъ съ разными шутливыми варіяціями: «нѣшто въ боли дѣло! нашему брату другая дѣвка, играючи на покосѣ, граблями больнѣй того бока наломаетъ!» Неперечесть, конечно, тѣхъ случаевъ и обстановокъ, при которыхъ осаждалось убѣжденіе о совершенномъ индеферентизмѣ крестьянина къ краткосрочнымъ физическимъ болямъ, но я думаю, что и сказаннаго достаточно, ибо навѣрное никто не сможетъ доказать мнѣ противнаго, т. е. того, что 20-ть ударовъ жидкимъ вѣникомъ отъ руки индеферентнаго сторожа волостнаго правленія составляютъ столь сильное болевое ощущеніе, что оно eo ipso, воспитательно—устрашитъ въ чемъ-либо и кого-либо напередъ.

Лучшимъ доказательствомъ того, что болевое ощущеніе мало имѣлось въ виду Законодателемъ, при узаконеніи розогъ для крестьянскаго суда, можетъ служить ст. 114 Общ. Пол., по которой лицо, получившее хотя бы 1 ударъ розги, навсегда лишается права быть выборнымъ должностнымъ лицомъ; очевидно, что не рубцы, не успѣвшіе зажить, могутъ помѣшать крестьянину «сидѣть въ старостахъ», а то общественное презрѣніе, которое исключаетъ необходимое для должностнаго лица уваженіе общества. Такимъ образомъ, очевидно, что для лицъ зрѣлаго возраста болевая розга въ 20 ударовъ, какъ наказаніе должна считаться нецѣлесообразной *). О воспитательномъ значеніи болевой

*] Къ тому же люди науки утверждаютъ, что физическое страданіе, даже тяжелое, оставляетъ всегда менѣе прочное впечатлѣніе чѣмъ страданіе духовное.

розги для подростковъ придется сказать то же, опираясь на авторитетную практику спеціалистовъ воспитателей; нынѣ ни въ одномъ казенномъ или частномъ воспитательномъ заведеніи розга не употребляется, а слѣдовательно кредитъ ея для учащагося юношества окончательно подорванъ. Кому же, какъ ни ставленникамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и какъ ни дипломированнымъ начальникамъ частныхъ школъ, лучше было узнать безсиліе розги какъ воспитательнаго пріема? Кажется ужъ имъ и книги въ руки!

в) *Страданіе духовное* у высѣченнаго, самоопредѣлившагося человѣка, возникаетъ изъ сознанія опозоренія и влечетъ у однихъ субъектовъ озлобленіе, месть противъ оскорбителя, судей и даже исполнителя, у другихъ—угнетеніе духа, причиненное оскорбленнымъ самолюбіемъ. Лучшій двигатель человѣка—его честь, его самодостоинство поруганы разъ на всегда безповоротно; у лишеннаго чиновъ, дворянства не отнята надежда и возможность возстановить достоинство: хорошимъ поведеніемъ, заслугой отечеству, Милостивѣйшимъ Манифестомъ, кои могутъ вернуть ему утраченное; но какъ вынуть розги изъ спины?!—такого искусника земной шаръ еще не произвелъ и какимъ бы бальзамомъ ее не смазали, какой бы золотой пластырь не наклеили,—все это только будетъ напоминать «ему» и всѣмъ, что «онъ сѣченный».

Ближайшее сродство обезчещивающей розги можно найти въ пощечинѣ у дворянскаго сословія; но получившій пощечину вправѣ добиться удовлетворенія и воз-

становленія чести, потому что противъ частнаго оскорбителя у него развязаны руки; публичное же въ силу закона заушеніе .... ничѣмъ не отличалось бы отъ розогъ и оставляло бы вѣчный неизгладимый позоръ. Таковъ эфектъ розги для человѣка, блюдящаго свое личное достоинство, т. е. для человѣка, о которомъ надо позаботиться болѣе всего. Что станетъ онъ дѣлать послѣ порки? Иной прочувствуетъ: «теперь ребятишки засмѣютъ; тяжко, людямъ показаться стыдно .... выпить надо! безъ водки не стерпѣть позора» .... а тамъ ужъ и пошло; вѣдь послѣ водки позоръ не пропадетъ и скорѣй надо торопиться заглушить сознаніе. Другой уйдетъ въ себя, укроется, проглотитъ слезы, и воспользуется первымъ случаемъ покинуть домъ, деревню и жить на сторонѣ, гдѣ позоръ его не знаемъ никому. Наконецъ, третій переможетъ себя и, чтобы скрыть позоръ не только передъ другими, но и предъ собой, напуститъ ухарство: «велика штука, что выстегали, я поди, небось, не ребенокъ; а Митрохѣ, что меня [подъ розги уложилъ, ужъ я ребра перечту! да такъ, чтобъ безъ свидѣтелей»!

Возьму теперь индеферентнаго человѣка, ни рыбу ни мясо, не дорожащаго честью, не боящагося осиротѣть безъ нея. Разложили такого; онъ постоналъ и всталъ: «таперича все? можно домой итить?»,—спроситъ онъ у старшины и пойдетъ раздумывая: «ишъ ты какое дѣло, а вовсе зря! знамо (жалобщикъ), по ненависти, судей запоилъ». Ему ни тепло, ни холодно въ смыслѣ чести; оскорбить его честь труднѣе, чѣмъ взмутить воду

спущеннаго пруда; про прошлое его надо всегда сказать: битъ и перебитъ.

По очереди, спустимся къ наглецу пропойцѣ, для котораго этика давно утратила всѣ свои цвѣта, который промѣнялъ ее на чувственные инстинкты и величайшее наслажденіе котораго быть не собою, а имѣть въ своемъ внѣшнемъ тѣлѣ чуждаго внутренняго обитателя, веселаго незнакомца,—порожденіе виннаго бреда. Этотъ капризный диктаторъ—его властелинъ и здѣсь нѣтъ того, что смѣетъ называться человѣкомъ. — Но тамъ, гдѣ нѣтъ самоопредѣленія, гдѣ нѣтъ даже человѣка, развѣ можетъ идти рѣчь о духовномъ страданіи, о человѣческой чести и объ обезчещеніи; тамъ былъ и остался звѣрь, но звѣрь пораненный. Что можетъ сдѣлать онъ—не стану разбирать, ибо вредъ розги не есть мое искомое; съ меня довольно — если пользы нѣтъ.

Таковы попадавшіеся мнѣ *) общіе типы сѣченныхъ по суду. Но, быть можетъ, кто нибудь найдетъ, что моя панорама не полна? Быть можетъ, мнѣ покажутъ сѣченнаго такого:—послѣ порки всталъ, поклонился старшинѣ, «благодарю ваше степенство, что меня поучили, дураковъ учить надо», и ушелъ вполнѣ вразумленнымъ. Дорогой думаетъ: «Ахъ, какъ больно! ни за что не буду больше воровать или ругать. Ахъ, какъ стыдно! буду торопиться подвигами добролюбія и благонравія

*) Въ бывшей практикѣ непремѣннаго члена уѣзднаго крестьянскаго присутствія.

стереть съ себя позоръ и возстановить всеобщее къ себѣ уваженіе»....

Если покажутъ такого мнѣ въявь, то всеже я глазамъ своимъ не охотно повѣрю, ибо умъ всегда будетъ говорить противъ: человѣкъ полвѣка прожилъ, а ума не нажилъ, и вдругъ, какъ чрезъ гипнозъ, за 5-ть минутъ его привели въ благородныя чувства и переродили; не боясь замерзнуть съ пьяну, не жалѣя реберъ въ дракѣ, онъ вдругъ начнетъ бояться пятиминутнаго сѣченія!?..

Для кого-же должна существовать воспитательно-исправительная розга какъ болевое или безчестящее наказаніе? какъ проявится воспитательное значеніе розги на субъектѣ, имѣвшемъ честь и уже сейчасъ обезчещеннымъ на вѣки? Какъ проявится оно на непонимающемъ чести и, наконецъ, на добровольно утратившемъ честь раньше срока? Какъ «унижаемый» — можетъ оказаться «возвышаемымъ» — въ смыслѣ исправленія?

Тѣмъ не менѣе удары розги подлежатъ *количественному учету,* какъ мы знаемъ, отъ 1 до 20. Посмотримъ, на сколько необходимъ или хотя-бы основателенъ этотъ уголовный градусникъ.—Основаніемъ окажется—заимствованіе, сдѣланное безъ достаточнаго освѣщенія и на скоро въ 1861 году; до него счетъ ударамъ розогъ велся въ Уложеніи о Наказаніяхъ и при помѣщичьемъ правѣ; ведется и нынѣ въ быту ссыльныхъ. Дѣлается это на логическихъ основаніяхъ: тамъ исчисляется розга болевая. Порка безъ счета—есть таже смертная казнь; человѣкъ умираетъ съ сознаніемъ смерти и безъ надежды ожить, такъ что оживаніе въ лазаретѣ является для

него неожиданностью; порка съ опредѣленнымъ числомъ—всегда большимъ—ударовъ (300—500) даетъ опредѣленное количество физическихъ страданій, при чемъ такая или иная сумма болевыхъ ударовъ можетъ служить показателемъ количества мученій. Понятно, что 500 ударовъ мучительнѣй ста ударовъ равной силы, а слѣдовательно для розги, какъ болевого наказанія, градусникъ былъ необходимъ. Болѣе того, числовая скала была логична, потому что отъ розги требовалась исключительно болевая мучительность, безъ всякихъ воспитательныхъ тенденцій, т. е. безъ всякаго подозрѣнія о томъ, что розгою можно вліять на самолюбіе, какъ стали полагать лишь послѣ. Въ строго крѣпостной сферѣ личное самолюбіе было nonsens и мѣсто его занимала безличная преданность барину *), который одинъ былъ душою обширнаго организма (вотчины), снабженнаго послушными членами—крѣпостными; поэтому скала никогда не мѣрила градусы самолюбія и не шокировала логику.

Перенимая розгу, какъ родъ наказанія, составители Правилъ Волостнаго Суда 61 года замѣтили, что къ ихъ времени тѣлесная неприкосновенность, (непреложная для нихъ самихъ), стала даже въ сѣрой массѣ по немногу признаваться за атрибутъ достоинства, (быть можетъ по отзвуку законодательныхъ изъятій отъ розги); поэтому, обнаруживъ въ розгѣ устрашающій въ духов-

*) Было самолюбіе за него: „нашъ баринъ, у нашего барина, мы съ бариномъ“, но не я, не у меня.

номъ смыслѣ элементъ, они подвысили еще позорящее ея значеніе, сдѣлавъ изъятіе отъ розги въ Общемъ Положеніи (ст. 114, 124) для выборныхъ должностныхъ лицъ. Взвѣсивъ одновременно жестокость сотеннаго счисленія ударовъ розги, они положили предѣлъ въ такой цифрѣ, которая казалась по тогдашнему курсу наименьшей. Получилось ни два, ни полтора, и комбинація оказалась несообразной: розга, переставъ быть страшной по боли, стала измѣряться для цѣлей обезчещенія совершенно несоизмѣримымъ числовымъ градусникомъ. То основное положеніе, что честь есть понятіе недѣлимое, а обезчещеніе есть понятіе однократное ускользнуло изъ вида; забыто было, что только первая пощечина безчеститъ, а вторая оставляетъ лишь пріятный румянецъ, и что никогда не ломаютъ двухъ шпагъ надъ головой одного человѣка. Вотъ почему обезчещенію присвоилось несоотвѣтственное понятіе многократности. Вышло, что одинъ ударъ розги меньшее опозореніе, два удара двойное и т. д.— Но если нарушеніе тѣлесной неприкосновенности съ перваго удара даетъ безчестіе, то зачѣмъ же тянуть счетъ до 20? неужели — чтобы лучше помнилъ?

Однако же какъ ни ясна непригодность розги въ дѣлѣ воспитанія, все-же пытливый умъ будетъ домогаться объясненія того реальнаго явленія, что ухо такъ привыкло къ «воспитательной» розгѣ, ради нравственнаго совершенствованія и возрожденія самодостоинства. Несортируя воспитателей вооруженныхъ розгой, я разрѣ-

шу недоумѣніе въ безличной формѣ: по моему наблюденію, розга имѣетъ то отличіе отъ всѣхъ стимуловъ, что предпочтеніе ея всегда находится въ обратномъ отношеніи къ умственному развитію и искуству воспитателя, но безотносительно къ воспитуемому. Кто не повѣритъ мнѣ, тотъ пусть спустится въ конюшню, гдѣ даже безсловесному животному передаются человѣческія мысли и воля *). Тамъ онъ воочію убѣдится, что одна и та же лошадь—у кучера невѣжды требуетъ кнута, а у кучера. знающаго дѣло и любящаго лошадей, всѣ лошади, въ томъ числѣ и данная, бѣгутъ съ натяженія возжи и чмоканія, и иныя прибавляютъ хода даже на тугихъ возжахъ; но такъ какъ не всегда можно имѣть въ распоряженіи хорошихъ кучеровъ, то приходится довольствоваться услугами плохихъ, не умѣющихъ побудить лошадь безъ кнута, и съ такими кучерами по неволѣ надо мириться когда ѣхать нужнѣе, чѣмъ думать о характерѣ лошади.

Таково объясненіе, найденное мною для своего мышленія и оно, вмѣстѣ со всѣмъ изложеннымъ, приводитъ меня къ убѣжденію, что розга, какъ воспитательно-исправительное наказаніе, не цѣлесообразна и есть чарующій обманъ, какихъ мы знаемъ много. Розга даетъ покорность, какъ морфій даетъ сонъ и

---

*) Не даромъ же помѣщичья конюшня была излюбленнымъ мѣстомъ для порки; нынѣ она, лучше другого мѣста, пригодна для провѣрки дѣйствія тѣлеснаго внушенія.

хашишъ—наслажденіе; но ихъ-ли надо желать? вѣренъ-ли тотъ мужъ, который боится измѣнить женѣ изъ за побоевъ, твердъ-ли тотъ, кто блюдетъ самодостоинство изъ страха розги? Воспитательный и исправительный пріемъ долженъ создать человѣка стойкаго противъ искушенія, возродить его къ доблести, но не атрофировать ее, не вызывать галюцинацій.—Иное дѣло, если бы розга могла всегда оставаться грозной фикціей, страшной какъ деревянный идолъ, какъ домовой и лѣшій, которыхъ боятся, хотя никто ихъ не испыталъ; тогда я первый назвалъ бы розгу волшебнымъ жезломъ и преклонился бы предъ ея воспитательнымъ значеніемъ. Но какъ сочетать съ этимъ 20 ударовъ? За глаза довольно—мановенія жезла.

II.

Другою цѣлью наказанія считается *возмездіе,* т. е. дача чрезъ судъ отмщенія за обиженнаго преступникомъ (око за око и зубъ за зубъ, смерть за смерть), вліяющее взадъ какъ расчетъ съ прошлымъ. Это судебное воззрѣніе зародившееся въ древности, хотя и утратило свой ореолъ въ мірѣ христіанскомъ, тѣмъ не менѣе сквозитъ еще во многихъ уголовныхъ законодательствахъ. «Временныя Правила Волостнаго Суда», составленныя для низшаго по культурѣ слоя русскаго населенія (иногда даже не христіанскаго вѣроисповѣданія), считаютъ тѣлесное наказаніе повидимому наилучшимъ, для достиженія именно цѣли отмщенія; съ меньшей осторожностью можно было бы сказать, что оно предназначено служить исключительно цѣли возмездія. Сужу я такъ потому, что розга, какъ сказано въ ст. 36, 37 и 38 Врем. Прав., можетъ быть назначаема только за слѣдующіе проступки:

Подлежатъ розгѣ:

За оскорбленіе полицейскихъ стражей и низшихъ должностныхъ лицъ (31 ст. Уст. о Нак., нал. Мир. Суд.)

За ссоры, драки, кулачный бой и нарушеніе тишины (38) и прошеніе милостыни (49).

За нанесеніе обиды на словахъ, дѣйствіемъ, при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ (132, 134, 135).

За словесную и письменную угрозу, самоуправство, насиліе, отказъ родителямъ въ пропитаніи (140, 141, 142, 143).

За кражу (169, 170, 172).

За мошенничество, обманъ и присвоеніе чужаго имущества, покупку завѣдомо краденаго (173, 174, 180).

За нарушеніе условій найма безъ договорнаго листа (1-й п. 17 и 38 ст. Врем. Прав.)

За мотовство и пьянство, разстраивающее хозяйство (2-й п. 17 и 38 ст. Врем. Прав.)

Не подлежатъ розгѣ (примѣры):

За нарушеніе благоговѣнія въ церкви крикомъ, шумомъ, неблаговидными поступками (35 ст. Уст. о Нак. налаг. Мир. Суд.), *)

За нарушеніе благочинія во время священнослуженія. внѣ церкви, забавами и безчинствами препятствующими службѣ (36) *.

За безстыдныя, соединенныя съ соблазномъ, дѣйствія въ публичномъ мѣстѣ (43).*)

За проступки противъ:

Общественнаго благоустройства, Устава о паспортахъ, строительнаго и путей сообщенія, въ томъ числѣ, (72) за поврежденіе мостовъ, переправъ, плотинъ; правилъ осторожности отъ пожаровъ, въ томъ числѣ, за раскладываніе огня въ близкомъ разстояніи отъ сжатаго хлѣба, соломы, сѣна и строеній (95)...

За проступки противъ народнаго здравія, въ томъ числѣ за продажу съѣстныхъ припасовъ, вредныхъ для здоровья и выдѣлку посуды изъ вредныхъ для здоровья матеріаловъ (115)...

За проступки противъ личной (точнѣе общественной) безопасности, въ томъ числѣ, за держаніе дикихъ звѣрей, безъ соблюденія мѣръ, необходимыхъ для огражденія общественной безопасности (120). и т. п.

За срываніе плодовъ, охоту, проѣзды, прогоны скота, поврежденье канавъ, изувѣченье животныхъ и т. дал.

За появленіе въ публичномъ мѣстѣ пьянымъ до безпамятства или въ безобразномъ отъ опьяненія видѣ (42).

---

*) Эти законы имѣютъ въ виду дѣйствія намѣренныя, ибо по ст. 9 и 10

Сравнивая взятые изъ Устава о Наказаніяхъ проступки, наказуемые розгой и ненаказуемые ею (оставляя рецидивъ и совокупность), можно казалось бы придти къ заключенію, что Временныя Правила считаютъ розгу умѣстной въ такихъ проступкахъ, отъ коихъ потерпѣло опредѣленное лицо и коими оно оскорблено прямо, а именно: въ 10-ти изъ 16-ти статей Уст. о Нак. потерпѣвшее лицо оскорблено, а въ 6-ти остальныхъ обокрадено; послѣдній видъ ущерба имѣетъ большое тяготѣніе къ личной обидѣ и выраженіе «воръ меня обидѣлъ» обычно въ средѣ, добывающей пропитаніе и необходимое имущество своими руками и гордящейся достаткомъ. Въ другихъ проступкахъ, караемыхъ по тридцати пяти статьямъ Устава о Наказаніяхъ, задѣты не личные, а общественные интересы, напримѣръ, благочинія въ храмѣ, гигіеническіе, общественной безопасности и благоустройства и т. п., и розга для нарушителей ихъ не преподана. Помимо Устава о Наказаніяхъ, розга предназначена Временными Правилами еще для: а) лица, обманувшаго довѣріе (обиженнаго) нанимателя, и б) мота и пьяницы, разстраивающаго хозяйство; въ послѣднемъ случаѣ тоже преслѣдуется не злоупотребленіе виномъ, а имѣется въ виду обидный ущербъ домашнимъ, причиняемый мотомъ; это можно видѣть изъ того, что появленіе въ публичномъ мѣстѣ въ безобразномъ отъ опьяненія видѣ—розгою не можетъ быть наказываемо.

Уст. о Нак., отданнымъ В. Суду въ руководство,—проступки, совершенные безъ умысла, или вовсе остаются безъ наказанія, или влекутъ замѣчаніе, выговоръ или внушеніе—не болѣе.

Съ разбираемой точки зрѣнія розга должна считаться цѣлесообразною, ибо она достигаетъ цѣли отмщенія и оскорбленный получаетъ удовлетвореніе; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, я склоненъ думать, что розгу нельзя считать specificum'омъ въ достиженіи возмездія и съ нею превосходно могъ бы конкурировать арестъ или общественныя работы, по переложенію со штрафа. Потому, не умаляя мстительнаго значенія розги, я нахожу, что здѣсь розга, хотя и цѣлесообразна, но предпочтительность ея для настоящаго времени ничѣмъ ровно не доказывается. (Къ этому мы еще вернемся).

III.

Третью цѣль наказанія составляетъ *устрашеніе,* какъ самого преступника, дабы онъ не повторялъ дѣянія, такъ и тѣхъ другихъ, кои готовы были бы идти по его стопамъ. Въ этомъ отношеніи розга должна уступить другимъ родамъ наказанія, ибо для самого преступника вторичная обезчещивающая розга всегда менѣе страшна, чѣмъ первичная (по соображеніямъ, изложеннымъ выше), и, слѣдовательно, если страхъ, могущей послѣдовать первой порки (перваго опозоренія), не предостерегъ даннаго субъекта отъ преступленія, то ожиданіе вторичной и подавно не будетъ страшно. Межъ тѣмъ общественныя работы, строгій арестъ, послѣ перваго ознакомленія съ ними, научаютъ бояться повторительнаго ихъ отбытія, (сопряженнаго съ потерей времени, цѣнимаго нынѣ даже нищимъ) и, тѣмъ самымъ, оказываются болѣе предпочтительными наказаніями для устрашенія преступника.

Соображенія эти приложимы и къ порочнымъ лицамъ, намѣревающимся совершить наказуемое дѣяніе, такъ какъ, имѣя общеніе съ испорченной средой, они всегда, со словъ испытавшихъ, могутъ узнать о тягости и страхѣ для нихъ того или другого рода наказанія, а, слѣдовательно, сами будутъ думать, какъ они. Страшною остается розга для тѣхъ только, кто боится позора и кого однажды высѣчь—значитъ на вѣки погубить; здѣсь палка именно о двухъ концахъ:—страшна розга провинившемуся, страшна и дальновидному судьѣ, присуждающему ее.—Такимъ образомъ, для цѣли устрашенія надо признать розгу менѣе полезнымъ наказаніемъ, и предпочесть ей другіе роды.

Кромѣ сказаннаго, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что цѣль «устрашенія», подобно цѣли «отмщенія», есть тоже наслѣдіе стараго времени, когда терпѣлись Драконовы законы. Наука уголовнаго права съ полной доказанностью установила, что не жестокость ожидаемаго наказанія служитъ предохранителемъ и побуждаетъ къ самоудержу, а послѣдній зависитъ исключительно отъ предположенія субъекта о большей или меньшей вѣроятности попасться и подпасть подъ наказаніе.

Во время приготовленія къ преступленію, умъ субъекта занятъ изысканіемъ средствъ совершенія, а отнюдь не опредѣленіемъ дозы или рода наказанія; о послѣднихъ онъ не хочетъ вспоминать, а направляетъ всѣ усилія мозга на то, какъ избѣжать самомалѣйшаго взысканія *).

*) Кромѣ афекта, запальчивости, безъисходной нужды и т. п

Будь еще розга поставлена въ законѣ какъ неизбѣжное наказаніе для всякаго лица, совершившаго опредѣленное преступленіе, можно было бы, вопреки наукѣ, допустить ее устрашающее значеніе; но розга какъ разъ есть самое к о в а р н о е наказаніе, ибо, въ силу закона, для совершающаго преступленіе остается всегда неизвѣстнымъ:—какъ взглянетъ на сѣченіе судъ, вовсе не обязанный присудить его именно къ розгамъ, а равно какъ отнесется земскій начальникъ (если онъ невсегда утверждаетъ розги) и какъ порѣшитъ съѣздъ, пересматривающій дѣло по существу. Далѣе—для богатаго—есть всегда возможность, пользуясь оттяжкой времени (чрезъ обжалованіе и хожденіе дѣла по инстанціямъ), перечислиться, въ силу 130 — 147 ст. Общ. Полож., изъ крестьянъ въ мѣщане, т. е. въ сословіе, не терпящее въ своей средѣ розгу; для бѣднаго же—есть исходъ взять хотя безъ жалованья, а для формы, должность «лѣсного сторожа», во время нахожденія въ коей, онъ не можетъ быть высѣченъ; въ обоихъ случаяхъ, розга, въ силу закона объ изъятіяхъ, д о л ж н а б у д е т ъ з а м ѣ н и т ь с я штрафомъ или арестомъ. — Таковъ цѣлый запасъ вѣроятныхъ надеждъ на то, чтобъ ускользнуть собственно отъ розогъ и потому я не думаю ошибиться, сказавъ, что и м е н н о розга не можетъ пониматься, какъ неизбѣжная кара для попавшагося преступника, а потому не можетъ претендовать на предпочтительно устрашающее значеніе, и, слѣдовательно, нѣтъ основаній въ настоящемъ разсужденіи считать ее ни нужной, ни желательной при наличности другихъ родовъ наказаній.

IV.

Особо любимая цѣль, преслѣдуемая современными законодательствами, при учрежденіи родовъ наказаній, есть охраненіе покоя общества, путемъ механическаго лишенія преступника возможности продолжать наносить обществу тотъ вредъ, за который онъ долженъ понести наказаніе,—короче: *лишеніе преступника свободы.*

Достигается оно чрезъ арестъ, поднадзорное занятіе внѣ дома, или иное удаленіе преступника изъ общества на время или навсегда. Лишеніе свободы есть родъ наказанія особенно удачно придуманный, ибо съ нимъ, кромѣ непосредственной цѣли (охраненія общества), удобно сочетать достиженіе всѣхъ трехъ вышеразсмотрѣнныхъ цѣлей. «Воспитательная» цѣль достигается наилучшимъ образомъ, если не единственно возможнымъ; вполнѣ удовлетворительно достигается «возмездіе»; «устрашеніе» получается несомнѣнное, ибо, послѣ любви къ жизни и чести, каждому человѣку присуща любовь къ свободѣ и родному очагу. Но съ этой точки зрѣнія—(охранительной) ореолъ розги долженъ безслѣдно померкнуть, ибо она охраняетъ общество отъ проявленія злой воли преступника всего на нѣсколько минутъ, пока онъ въ распростертомъ положеніи лежитъ у ногъ своего lictor'a; немедленно затѣмъ онъ получаетъ полную свободу дѣйствій, всегда вредно усиленную. Ясно, что предпочтительнѣе замѣнять розгу строгимъ арестомъ, хотя, конечно, общественныя работы были бы нерѣдко—полезнѣе.

V.

Всѣ законодательства преслѣдуютъ цѣль—*дешевизны* и заботятся о томъ, чтобы исполненіе наказанія надъ порочнымъ членомъ общества не отражалось тяжело на платежныхъ силахъ непорочныхъ. Съ этой точки зрѣнія березовая лоза можетъ считаться hors concours и въ видахъ достиженія экономіи, какъ дешевѣйшее изъ всѣхъ наказаніе, могла бы переименоваться въ «пальму первенства».—Но такъ какъ, съ другой стороны, розга не есть единственный родъ наказанія и при ней все-таки для большинства преступниковъ въ силу закона должны существовать арестныя помѣщенія, то вопросъ о расходахъ сводится къ маленькой тѣснотѣ арестуемыхъ.... И тогда, для избавленнаго отъ сѣченія, у мѣста будетъ поговорка: хоть въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ.

VI.

Наконецъ, законодательства придаютъ наказанію еще одно послѣдствіе узко-утилитарное, дѣлая наказаніе, сверхъ всего, *доходнымъ* для казны или той среды, къ которой принадлежитъ преступникъ; достигается это взысканіемъ денежнаго штрафа.

Всякій родъ наказанія, который сверхъ возмездія и устрашенія даетъ еще обществу матеріальный барышъ, долженъ считаться весьма цѣлесообразнымъ, но, очевидно, что сѣченье не можетъ принадлежать къ такимъ наказаніямъ.—За то присужденіе къ розгѣ, благо-

даря «Временнымъ Правиламъ», можетъ оказаться весьма цѣлесообразнымъ въ утилитарномъ смыслѣ, если земскій начальникъ замѣнитъ розгу: 20 розогъ равняются (при кражѣ, мошенничествѣ) 30-ти рублямъ штрафа въ пользу мірскихъ суммъ *).

VII.

Разсмотрѣвъ всѣ тѣ цѣли, которыя современныя законодательства имѣютъ въ виду, при учрежденіи родовъ наказаній, и, подводя итогъ, позволяю себѣ сказать, что для достиженія двухъ лучшихъ и желательнѣйшихъ нынѣ цѣлей— «исправленія преступника» и «охраненія общества»,—розга абсолютно не пригодна и вліяетъ отрицательно, т. е. вредно; для двухъ цѣлей меньшей важности «отмщенія» и «устрашенія» —она, не имѣя преимуществъ предъ другими родами наказаній, не можетъ претендовать на законодательную поддержку и на радушный пріемъ въ дѣлопроизводствѣ земскаго начальника; по «дешевизнѣ» березовая каша, хоть и дешевле всего, но до показанія крайней нищеты общественной надо ее отвергнуть по плохой переваримости и малопитательности; а для «барыша общества» розга полезна только наизнанку при своемъ непримѣненіи, т. е. послѣ метаморфозы въ штрафъ.

Чтобъ не заслужить упрека въ пристрастіи къ разбираемому предмету или въ утайкѣ достоинствъ розги,

*) Нѣкоторые суды присуждаютъ къ сѣченію исключительно съ этой (дополнительной) цѣлью.

я считаю долгомъ присоединить къ вышеизложенному справку о розгахъ изъ науки уголовнаго права, со словъ знаменитаго русскаго криминалиста Неклюдова (конспектъ уголовнаго права).

«*Достоинства ихъ: онъ весьма дешевы, — достаточно нѣсколькихъ десятинъ лѣса для того, чтобы перепороть всѣхъ гражданъ государства; онъ всегда подъ руками* (наша прежняя народная юстиція наказывала просто кулаками); *онъ моментальны:-легъ, отпѣся—всталъ и ушелъ*».

И только....

В. Справедливость.

Многіе изъ крестьянскихъ дѣятелей и большинство публики убѣждены, что въ числѣ наказаній, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, розги считаются строжайшимъ изъ всѣхъ наказаній, почему и не должны быть игнорируемы. Исходя изъ сего, полагаютъ, что право и обязанность земскаго начальника по замѣнѣ розогъ сводится къ тому, чтобы опредѣлить на сколько субъектъ, приговоренный къ розгамъ, дѣйствительно ихъ заслужилъ. Отсюда, какъ вторая посылка, выходитъ, что если судъ въ данномъ дѣлѣ допустилъ чрезмѣрную строгость, то земскій начальникъ можетъ поправить ошибочный взглядъ суда и замѣнить розги менѣе строгимъ наказаніемъ—арестомъ, а если чрезмѣрности не усмотрѣно—то долженъ утвердить высшее наказаніе (сѣченіе) къ исполненію; другими словами,—земскій начальникъ обязанъ поступить сколь можно *справедливѣе*.—Провѣримъ это положеніе.

I.

Справедливость требуетъ соразмѣрности наказанія съ преступленіемъ по двумъ основаніямъ:

а) наказаніе должно быть тѣмъ строже, чѣмъ болѣе вреда причинено потерпѣвшему и

в) чѣмъ болѣе проявлено злой воли субъектомъ.—

Рѣшить задачу о «замѣнѣ» по этимъ даннымъ было бы весьма заманчиво; но вѣрно ужъ такова непокладливость розогъ, что къ нимъ земскій начальникъ не властенъ примѣнить сужденіе «по справедливости». Разсужденіе о заслуженности наказанія входитъ всецѣло въ существо функціи судьи какъ первой инстанціи (Волостнаго Суда), такъ и второй апелляціонной (Уѣзднаго Съѣзда). Земскій начальникъ вовсе не уполномоченъ закономъ быть судьей по дѣламъ, подвѣдомственнымъ волостнымъ судамъ и вся его обязанность заключается въ передачѣ дѣлъ волостнаго суда въ Съѣздъ, если они рѣшены не правильно или обжалованы; Съѣздъ одинъ властенъ признать, что рѣшеніе несправедливо и что наказаніе не соотвѣтствуетъ проступку.— Независимо отъ этого, самимъ закономъ точно указано въ какихъ случаяхъ могутъ быть назначены розги, такъ что если судъ допустилъ ошибку и приговорилъ къ розгамъ не того, кого можно и не за то, за что онѣ положены, то земскому начальнику ничего болѣе не дозволяется, какъ представить рѣшеніе въ Съѣздъ для отмѣны. Напримѣръ, присужденіе къ розгамъ субъекта, «явившагося

въ публичное мѣсто (волостной сходъ, камера земскаго начальника и тому под.), въ безобразномъ отъ опьяненія видѣ», составило бы то самое неправосудіе, которое влечетъ пересмотръ дѣла Съѣздомъ по существу, такъ какъ за оный проступокъ розги по Врем. Прав. не полагаются; наоборотъ, за пропитіе въ тихомолку мѣрки овса, какъ разстраивающее несомнѣнно хозяйство,—розги были бы, согласно «Правилъ», примѣнены правильно. Слѣдовательно, въ силу ст. 31 п. 2 Врем. Прав., земскій начальникъ не можетъ замѣнять розги изъ за несоотвѣтствія наказанія съ преступленіемъ, ибо такое несоотвѣтствіе составляетъ *порокъ самаго рѣшенія.* Тотъ же выводъ получится. если мы всмотримся въ 29 ст. Врем. Прав.—Она категорично говоритъ, что волостной старшина испрашиваетъ разрѣшеніе земскаго начальника объ исполненіи сѣченія по поводу рѣшенія, уже вступившаго въ законную силу; только въ такомъ рѣшеніи земскій начальникъ можетъ замѣнить розги. Такимъ образомъ, онъ всегда имѣетъ дѣло съ вступившимъ въ законную силу рѣшеніемъ, справедливымъ уже по тому одному, что оно окончательно, и когда, слѣдовательно, уже поздно толковать о степени вреда, злой волѣ и вообще объ обстановкѣ преступленія.

Но прислушиваясь къ разговорамъ диллетантовъ и временно съ ними предполагая, что земскій начальникъ имѣетъ право забыть, что предъ нимъ лежитъ окончательное рѣшеніе. попробуемъ «по справедливости» рѣшить вопросъ о томъ, замѣнить арестомъ розги или

утвердить исполненіе сѣченія въ данномъ случаѣ. — Остановимся на степени *вреда отъ дѣянія.* Какіе имѣетъ способы земскій начальникъ для уразумѣнія вреда?—Простое прочтеніе описанія картины дѣянія и судоговоренія, конечно, ничего не скажетъ, а скорѣе обманетъ, глядя по такой или иной витіеватости изложенія писаремъ не юристомъ; остается одно: переслѣдовать дѣло, распросить стороны и свидѣтелей самому и составить себѣ точное представленіе объ обстановкѣ преступленія. Только тогда можно по совѣсти составить себѣ убѣжденіе въ степени вреда. Но смѣетъ ли позволить себѣ земскій начальникъ вторгнуться въ сферу судьи и произвесть такое переслѣдованіе дѣла?—конечно нѣтъ, ибо въ какомъ положеніи тогда очутится достоинство суда первой инстанціи и для чего Законодатель не поручилъ прямо земскому начальнику вѣдать, въ роли I-й инстанціи, всѣ дѣла, сопряженныя съ розгой? Или быть можетъ, земскій начальникъ долженъ былъ бы самъ присутствовать въ качествѣ слушателя при разборѣ на волостномъ судѣ дѣла, окончившагося приговоромъ о сѣченіи? Но тогда онъ напомнилъ бы собою брандмейстера, посылающаго трубу на предполагаемое мѣсто пожара. Значитъ, волей неволей, надо отказаться отъ желанія возстановить себѣ картину въ отношеніи степени вреда. *)

*) Приговоренный увѣряетъ, что онъ шутя толкнулъ, безъ всякой злобы, а потерпѣвшій утверждаетъ, что у него послѣ оскорбленія такъ лицо вспухло, что глаза не раскрывались недѣлю; ущербъ—разный, и узнать истину безъ переслѣдованія нельзя.

Перейдемъ къ выработкѣ убѣжденія о степени *напряженія злой воли.* Эта задача по видимому легче, ибо анализъ можетъ быть произведенъ на одной личности—на осужденномъ, котораго не грѣхъ вызвать на глаза къ земскому начальнику. Что дастъ такое ознакомленіе съ субъектомъ?—Зная зачѣмъ его зовутъ, находясь въ ожиданіи конфирмаціи приговора о сѣченіи, онъ, конечно, если не желаетъ его, предстанетъ въ притворномъ видѣ, а иногда въ сопровожденіи плакальщика. По словамъ его, онъ всегда если не правъ, то достоинъ снисхожденія, въ чемъ порукой вся его фигура: задавшись цѣлью разжалобить начальника—заядлый грубіянъ будетъ смирнѣе агнца, профессіональный воръ представится кающимся грѣшникомъ, терзаемымъ голодомъ, и алкоголикъ-пропойца захватитъ удостовѣреніе о своемъ вступленіи въ общество трезвости . . . .

Всѣмъ извѣстно, что нужда пробуждаетъ сценическій талантъ не для однихъ только театральныхъ подмостокъ, а притвориться на ¼ часа совсѣмъ не трудно; въ особенности легко войти въ роль к а ю щ а г о с я въ ожиданіи немедленной порки. Какъ провѣрить комедію? Кому изъ разныхъ комедіантовъ дать предпочтеніе: тому-ли, кто лучше сыгралъ, или тому, кто въ актеры оказался не пригоднымъ? *)

(* Въ публикѣ распространено не основательное мнѣніе, что земскій начальникъ всегда можетъ знать крестьянъ своего участка. Забываютъ, что населеніе участка состоитъ изъ 10—15 тысячъ душъ мужскаго пола, на пространствѣ 500 и болѣе квадратныхъ верстъ.

Очевидно, что земскій начальникъ, въ отношеніи порочности субъекта, есть всегда плохо вооруженный изслѣдователь, ибо никогда не имѣетъ въ рукахъ натуральнаго субъекта, а всегда подогрѣтаго; поэтому, судить о напряженіи злой воли — долженъ одинъ волостной судья, слышавшій въ продолжительномъ состязаніи сторонъ не только слова, но даже интонацію ихъ, провѣрявшій впечатлѣнія по показаніямъ свидѣтелей, воспринявшій непосредственно изъ устъ потерпѣвшихъ плачъ о попранныхъ правахъ и взвѣсившій, въ связи со всѣмъ происшедшимъ на судоговореніи, послѣднюю самозащиту подсудимаго, всегда почти покойнаго надеждой на оправданіе. Только волостной судья, какъ судья первой инстанціи, какъ свой человѣкъ по средѣ— можетъ взять на себя опасное ремесло сердцевѣда и онъ одинъ можетъ сказать, что данный Иванъ «именно» заслужилъ наказаніе розгами.

Но (возразятъ мнѣ мои противники), можетъ найтись въ числѣ приговоренныхъ къ розгамъ такой Иванъ, котораго земскій начальникъ знаетъ давно какъ завзятаго негодяя, а преступленіе случайно совершено чуть не на глазахъ земскаго начальника, такъ что послѣднему извѣстны доподлинно сила напряженія злой воли и степень вреда; казалось бы, что на сей разъ у земскаго начальника не можетъ быть основаній для «замѣны», — по причинѣ де не выясненія себѣ обстановки преступленія?

Утвердительный отвѣтъ можетъ послѣдовать только отъ не-юриста, а юристъ никогда не забудетъ, что

«знакомство» есть не только невѣрный, но и не справедливый критерій. Выпороть Ивана по «знакомству» и замѣнить розги арестомъ Петру потому только, что онъ «прекрасный незнакомецъ» — слишкомъ оскорбительно для основной идеи правосудія, по коей не тотъ болѣе виноватъ, кто имѣлъ несчастье быть «знакомымъ», а тотъ, кто совершилъ болѣе преступное дѣяніе.

Будь закономъ вмѣнено земскому начальнику руководиться соображеніями, основанными на личномъ ознакомленіи съ приговоренными къ розгамъ, этотъ законъ остался бы мертво-рожденнымъ и всѣ земскіе начальники конфирмировали бы приговоры о сѣченіи.

Но законодатель не пожелалъ ставить земскаго начальника въ такое затруднительное, если не безъисходное, положеніе и не дозволилъ ему, единоличному администратору, вторгаться въ судебныя функціи коллегіальнаго волостнаго суда и его апелляціонной инстанціи — коллегіальнаго Съѣзда. Для этого онъ, довѣривъ обоимъ послѣднимъ розысканіе порока рѣшенія, т. е. разборъ дѣла по существу и справедливости, преподалъ *имъ же* способъ опредѣлять напряженіе злой воли понятіями: рецидива, совокупности, безнамѣренности, афекта, непреодолимости, обороны, взаимности, покушенія, прерваннаго добровольно, прощаемаго раскаянія, неполнаго разумѣнія по малолѣтству и т. под. (ст. 35 Врем. Прав. и 9, 10, 17, 20 Уст. о Наказ., налаг. миров. суд.). Наконецъ, Законодатель прямо выразилъ въ ст. 36-й Времен. Прав., что только волостной судъ вправѣ признать, что данный

виновный достоинъ именно розогъ.—Всѣ эти законы даны не земскому начальнику въ руки и предвосхищать ихъ у другихъ — онъ безусловно не вправѣ *). Но это еще не все; довѣряя земскому начальнику замѣну розогъ, Законодатель говоритъ объ этомъ въ такой статьѣ, которая установляетъ порядокъ исполненія рѣшенія, а слѣдовательно даетъ входъ начальнику лишь въ исполнительную стадію уголовнаго процесса.

Послѣдняя никогда не въ силахъ колебать прочность существа и справедливость приговора и всякія измѣненія буквы приговора допускаются только по принципу тождества. (Напримѣръ, при неимѣніи средствъ у осужденнаго къ уплатѣ штрафа, исполнитель можетъ замѣнить оный арестомъ, опредѣленнымъ заранѣе въ пропорціональной равновеликости). То же мы видимъ при замѣнѣ розогъ арестомъ или штрафомъ; Законодатель точно, и даже детально, опредѣлилъ равновеликіе розгѣ два другихъ рода наказанія и сказалъ въ 41-й статьѣ Временныхъ Правилъ, что при дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 169, 172—174 Устава о Наказ., земскій начальникъ можетъ замѣнять розгу—штрафомъ до 30-ти рублей, независимо отъ ареста,

*) До чего Законодатель озабочивается огражденіемъ автономіи волостного суда отъ всякаго давленія земскаго начальника можно судить изъ того, что земскій начальникъ не можетъ даже отсрочить отбытіе наказанія приговоренному напр.

а въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ другими статьями, влекущими розгу — строгимъ арестомъ до 15-ти дней на хлѣбѣ и водѣ. Это законоположеніе какъ нельзя краснорѣчивѣе говоритъ за то, что замѣна розогъ не зависитъ вовсе отъ соразмѣрности наказанія, не вліяетъ на справедливость приговора, ибо при отмѣнѣ розогъ чрезъ замѣну, на ихъ мѣсто поставляется равновеликое и, слѣдовательно, равносправедливое наказаніе, отличающееся родомъ, но не силой. Скажу болѣе, если бы земскій начальникъ позволилъ себѣ умствовать о томъ, что Ивана надо высѣчь, такъ какъ онъ болѣе виноватъ, чѣмъ Петръ (коему надо розги замѣнить арестомъ), то проявилъ бы непониманіе закона и допустилъ бы, что розги не равны строгому аресту, а сильнѣе его, т. е. то, чего въ законѣ нѣтъ. Въ 29-й статьѣ ясно сказано: земскій начальникъ «вправѣ замѣнить тѣлесное наказаніе другимъ *соотвѣтственнымъ* взысканіемъ, по правиламъ, означеннымъ въ статьѣ 41-й сего Положенія».

Провѣримъ этотъ выводъ на примѣрахъ, построенныхъ на буквѣ закона:

къ аресту. Земскій начальникъ имѣетъ право здѣсь тоже отрицательное, т. е. можетъ найти отсрочку, данную судомъ, излишнею, но не можетъ дать отсрочки тому, кому судъ отказалъ въ таковой.

1) Дочь — совершеннолѣтняя дѣвка—
Сынъ—вернувшійся изъ военной службы—
Второй сынъ—имѣющій ключъ отъ деревенскаго хлѣбнаго магазина—
Третій сынъ — окончившій курсъ въ уѣздномъ училищѣ—
Четвертый сынъ—карауляющій сосѣдній лѣсъ—

обругали свою мать старуху.

Къ розгамъ приговорены быть не могутъ, въ силу закона „Изъятій отъ розги".

Пятый сынъ—глухой отъ золотухи, въ военную службу не попавшій и ни въ какія должности не способный—

сдѣлалъ одновременно то же самое.

По „Врем. Прав.", можетъ быть приговоренъ къ розгамъ, ибо не попалъ въ число „Изъятыхъ".

2) Нѣкто проситъ милостыню „по лѣни и привычкѣ къ праздности", за что Мировые Судьи могли по 49 ст. Уст. о Наказ. приговаривать къ тюрьмѣ отъ двухъ недѣль до одного мѣсяца

По Времен. Правил. можетъ быть приговоренъ къ розгамъ, (стат. 17 и 36 Врем. Прав.).

Другой его товарищъ,— „просящій милостыню съ дерзостью и грубостью или съ употребленіемъ обмановъ", за что Мировые Судьи могли приговаривать по 50 ст. Уст. о Наказ. къ тюрьмѣ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ

По Времен. Правил. не можетъ быть приговариваемъ къ розгамъ (ст. 17 и 36 Времен. Правил.).

Спрашивается, гдѣ сильнѣе напряженіе злой воли, гдѣ больше причиненный ущербъ и кто изъ показанныхъ лицъ долженъ быть строже, въ смыслѣ справедливости, наказанъ? Неужели, увѣчный сынъ и вѣжливый попрошайка болѣе виноваты, чѣмъ обученный сынъ и наглый, дерзкій обманщикъ нищій?

Если считать, что за болѣе важное дѣяніе полагается по справедливости болѣе строгое наказаніе и если при этомъ признать розгу не за равное съ «строгимъ арестомъ», а за болѣе строгое наказаніе, то окажется, что будто законъ даетъ обученному сыну и дерзкому нахалу снисходительное предпочтеніе, облегчая ихъ отвѣтственность предъ судомъ и установляетъ смягчающія обстоятельства въ явленіяхъ большаго умственнаго развитія и большаго нахальства, ибо, при ихъ наличности, волостной судъ не смѣетъ примѣнить самое строгое наказаніе (розги), а долженъ довольствоваться менѣе строгимъ; на оборотъ — къ бездомовнику вѣжливому, вѣковѣчному нищему и худосочному сыну — за тѣ же дѣянія, надо примѣнить строжайшее наказаніе— розги.

Вотъ къ какому выводу приводитъ предположеніе, что розги считаются въ законѣ, будто бы, за болѣе строгое наказаніе, по сравненію съ строгимъ арестомъ.

Въ дѣйствительности же Законодатель всегда держится того принципа, что чѣмъ развитѣе человѣкъ и чѣмъ стоитъ онъ выше въ общественной лѣстницѣ, тѣмъ болѣе съ него спрашивается, и потому привиллегированныя сословія—(дворянское, духовное, почетные граж-

дане) за небольшую кражу караются строже, чѣмъ простой народъ и подвергаются наказанію не по «Уставу» о Наказ., а по «Уложенію» —съ лишеніемъ правъ.

Такимъ образомъ, надо считать доказаннымъ, что, при сужденіи по существу приговора о замѣнѣ—справедливость критеріемъ служить не можетъ, ибо замѣненное наказаніе всегда равно незамѣненному.

II.

Отрѣшившись отъ существа приговора, обратимся къ побочнымъ обстоятельствамъ, *субъективно* вліяющимъ на тягость наказанія и могущимъ, по мнѣнію сторонниковъ сѣченія, разрѣшить сомнѣніе земскаго начальника о томъ, сѣчь Ивана или Петра и кому изъ нихъ замѣнить розги.... во имя житейской справедливости.

а) Возьмемъ *взгляды самихъ сторонъ на сѣченіе.* Отношенія сторонъ къ розгѣ легко выясняются изъ устъ ихъ и, казалось бы, чего проще какъ уважить желаніе сторонъ и выполнить этимъ пріемомъ волю Законодателя. Но на повѣрку оно не такъ. Въ статьѣ 29 Врем. Прав. говорится: «хотя бы обѣ стороны заявили отказъ отъ права обжалованья, рѣшеніе (о сѣченіи) исполняется не иначе, какъ съ разрѣшенія земскаго начальника, который вправѣ замѣнить тѣлесное наказаніе другимъ соотвѣтственнымъ».—Значитъ—желанія обвиняемаго и обвинителя, солидарныя съ волей

волостного суда, должны быть внѣ счета, при соображеніяхъ земскаго начальника о замѣнѣ *).

Это обстоятельство вноситъ новую характерность въ замѣну наказанія при стадіи исполненія, отличающую сѣченіе отъ другихъ родовъ, гдѣ замѣна допускается. Для замѣны штрафа арестомъ принимается въ уваженіе заявленіе осужденнаго, что онъ затрудняется платить деньги, т. е. способъ отбытія наказанія поставленъ въ зависимость отъ субъективнаго взгляда осужденнаго; для замѣны розги взглядъ осужденнаго и потерпѣвшаго остаются безъ вліянія. Все зависитъ отъ усмотрѣнія ни судьи, ни исполнителя рѣшенія, а участковаго администратора—земскаго начальника, дающаго распоряженіе не суду, а волостному старшинѣ, даже безъ увѣдомленія суда.

Еще менѣе можетъ признаваться важнымъ возможное въ медвѣжьихъ берлогахъ, т. е. въ забытыхъ просвѣщенными людьми деревняхъ—мнѣніе всей деревни о томъ, что для нихъ розги лучше, чѣмъ арестъ. Такое довольство съ одной стороны доказываетъ, что арестъ

*) Желаніе осужденнаго можетъ быть двояко: а) если, въ лучшемъ случаѣ, онъ искренно страшится опозоренія, трепещетъ порки и даетъ клятвы бросить порокъ, лишь бы его не срамили и не сѣкли, то розги замѣнить полезно, даже съ точки зрѣнія сторонниковъ сѣченія, в) если, наоборотъ, пропойца золоторотецъ проситъ высѣчь его поскорѣй, ибо ему сидѣть подъ арестомъ скучно и недосугъ, а хочется послѣ пятиминутнаго расчета предаться обычному времяпрепровожденію—воровству, пьянству и буянству,— то неужели сторонники розги утвердятъ сѣченіе, въ угоду негодяю?—

страшнѣе, чѣмъ розги (ибо тяжелѣйшаго себѣ никто не спроситъ), а съ другой стороны обнаруживаетъ крайнюю неразвитость несчастнаго уголка, неуспѣвшаго замѣтить, что курсъ на «небитыхъ» давно стоитъ на современномъ рынкѣ выше, чѣмъ на «битыхъ».

Очевидно, что послушаться такихъ сосѣдей осужденнаго, незнающихъ толкомъ за что именно полагается розга, значило бы счесть ихъ экспертами въ такомъ дѣлѣ, на которое даже взгляды лучшихъ ихъ людей (волостныхъ судей) признаны Законодателемъ безсильными, при встрѣчѣ со взглядомъ земскаго начальника.

Такимъ образомъ, спросъ сторонъ и даже ихъ сосѣдей объ ихъ взглядѣ на сѣченіе — не разрѣшаетъ диллемы. Перейдемъ къ обзору другихъ условій.

в) *Семейныя условія приговореннаго* изъ крестьянской среды обыкновенно не сложны, а для разбираемаго случая могло бы имѣть значеніе одно: — б е з д ѣ т е н ъ приговоренный, или же о т е ц ъ с е м е й с т в а. Къ первому — розга была бы удобоприложимѣе, чѣмъ къ второму, ибо не желательно, чтобъ дѣти могли хихикать: «вчера тятька меня поролъ, а сегодня его самого выстегали». Но увы.... и здѣсь не удобно найти критерій, ибо это значило бы, при распространеніи его, свести рѣшеніе вопроса — къ зависимости спины мужа отъ плодородія супруги, что годилось бы только для водевиля, а не для серьезнаго соображенія по не шуточному вопросу.

Впрочемъ, нѣкоторые считаютъ серьезнымъ доводомъ въ пользу сѣченія и противъ замѣны розогъ устарѣлый

и давно брошенный аргументъ, что тѣлесное наказаніе предпочтительнѣе всѣхъ наказаній, ибо есть одно—ложащееся прямо на лицо преступника и не задѣвающее его семьи, тогда какъ арестъ беретъ работника изъ дома *).

Развивать всѣ научныя и историческія основанія, для опроверженія этого аргумента, было бы и долго, и неумѣстно, а потому я возражу общепонятными примѣрами.—Неужели семья болѣе виновата, если ея членъ укралъ менѣе, а не болѣе 50-ти рублей? А вѣдь въ послѣднемъ случаѣ—превышающемъ компетенцію волостнаго суда—воръ идетъ безъ розогъ въ тюрьму и только за кражу менѣе чѣмъ на 50 рублей можетъ быть высѣченъ. Казалось бы, что семьи всѣхъ сословій, (напримѣръ служащихъ) нисколько не менѣе достойны сожалѣнія, чѣмъ семья мужика; однако же магазинщиковъ и чиновниковъ не порятъ, а «сажаютъ»; чрезъ это семья хотя несетъ громадное лишеніе въ смыслѣ уменьшенія заработка, кормящаго семью, ... но не ходатайствуетъ о томъ, чтобъ высѣкли ея «кормильца».

Въ дѣйствительности, «мужицкая» семья боится именно сѣченія и рада почти всегда аресту, ибо высѣченный воръ, пьяница, буянъ и дерзкій (т. е. такой субъектъ, которому розга предназначена) неприминетъ, вернувшись домой изъ подъ розогъ, вылить свою злобу

---

*) Штрафъ не уменьшаетъ общія денежныя средства двора, ибо по первому желанію замѣняется арестомъ или работами. (Циркуляръ М. В. Д. № 7, 1894 г.).

на домашнихъ и поколотить всѣхъ; на оборотъ, отсидѣвъ на хлѣбѣ и водѣ 30 дней,—паціентъ имѣлъ довольно времени трезво обсудить послѣдствія своего проступка. Вотъ,—если бы къ сѣченію присуждали за то собственно, что данный непьющій Иванъ есть хорошій помощникъ двору и усердный работникъ,—то тогда, конечно, отвлеченіе подъ арестъ такого полезнаго члена могло бы губительно отразиться на семьѣ, и, наоборотъ, было бы полезнѣе оторвать его отъ дома всего на 5-ть минутъ для вложенія розогъ.

Но надо думать, что воръ и пьяница, приговоренные судомъ—не постоянные домосѣды и не труженники; драчунъ и грубіянъ—не подспоряютъ въ работахъ и ругательныя слова ихъ не котируются на вѣсъ золота.—Спрашивается, какая же польза отъ нихъ для двора и чѣмъ пагубно семьѣ удаленіе такого субъекта въ арестантскую? Развѣ тѣмъ, что семья отдохнетъ и поотвыкнетъ отъ синяковъ, свары, таскания въ кабакъ женинныхъ вещей, обысковъ и т. п?

Много надо имѣть смѣлости, чтобы отстаивать, ради ничтожнаго района волостной русской розги, такой взглядъ на наказаніе, который имѣетъ по построенію общее значеніе для всѣхъ наказаній, всѣхъ сословій, судовъ и націй. Пусть вспомнятъ, что во всѣхъ Законодательствахъ цивилизованныхъ государствъ телесныя наказанія отвергнуты и что это сдѣлано вовсе не потому, что упустили изъ виду пагубное распространеніе всѣхъ прочихъ наказаній на семью; вездѣ семьи оштрафованныхъ бѣднѣютъ, а заключенныхъ и

сосланныхъ сиротствуютъ и, не смотря на это, не считается нужнымъ возвращаться въ мракъ прошлаго и замѣнять аресты и тюрьмы наказаніемъ чисто-личнымъ, какъ то: розгами, плетями, батогами, кошками, рваніемъ ноздрей и ногтей, и т. п.

Временными правилами тоже не забыть принципъ личнаго страданія подъ наказаніемъ, почему напр. розги не могутъ замѣняться простымъ арестомъ, а непремѣнно—строгимъ на хлѣбѣ и водѣ, и слѣдовательно Законодатель не упустилъ изъ вида сказаннаго принципа, но счелъ скудное питаніе — крайнимъ его предѣломъ и равнымъ сѣченію. Конечно, можно возразить, что «хлѣбъ и вода» для нѣкоторыхъ субъектовъ не есть наказаніе, а обычная пища; но за то— и розги несоставляютъ, навѣрно, новинки по ощущенію, для людей,—жизненный путь которыхъ освѣщается не иначе какъ фонарями подъ глазами.

Какъ того, такъ и другого—людей умственно и нравственно горбатыхъ—исправить можетъ развѣ одна могила, а «законы» никогда не пишутся про нихъ....

с) *Хозяйственныя условія* у крестьянъ сложнѣе и разнообразнѣе, причемъ конечно не безразлично отсидитъ ли приговоренный 2 недѣли подъ арестомъ и упуститъ срочную полевую работу, или же отлучится изъ дому всего на 5 минутъ, чтобъ воспринять незамѣненныя розги. Полевыя работы, срочность жнива, покоса,—все это такія не шуточныя стихійныя обстоятельства, что ихъ невольно хочется связать съ не-замѣной т. е. дозволить высѣчь, и тѣмъ выиграть время.

Но опять, однако, они оказываются безъ вліянія при ближайшемъ разсмотрѣніи.

Создавать связь между моментомъ совершенія преступленія и суда—съ временами года, мѣняющими родъ наказанія, значило бы разбить самыя преступленія по «сезонамъ»; получилось бы, что за осеннее оскорбленіе—сажаютъ подъ арестъ, а за весеннее—сѣкутъ. Очевидно, что основы разсужденія не вѣрны. Да и самъ Законодатель не желалъ ни календарнаго различія наказаній, ни разстройства хозяйства чрезъ отбытіе наказанія, почему и установилъ отсрочку (чрезъ судъ) исполненія приговора не далѣе 6-ти мѣсяцевъ; благодаря этому, весеннее присужденіе къ аресту можетъ отбываться въ самое глухое время — подъ зиму. (ст. 29 Врем. Прав.).

Къ числу хозяйственныхъ условій еще можетъ быть отнесено препятствіе, встрѣчаемое нѣкоторыми въ томъ, что трудно устроить цѣлесообразный строгій арестъ, а потому приходится утверждать сѣченіе, не дѣлая замѣны.

Ergo, не умѣнье устроить своевременно цѣлесообразное арестантское помѣщеніе—должно вліять на участь осужденнаго, при чемъ опозореніе розгою личности и среды будетъ причинно зависѣть.... отъ плотника и штукатура, если не отъ заболѣванія или вакансіи арестантскаго сторожа! Думаю, что, съ точки зрѣнія гуманности и равноправія, такая практика равнялась бы поркѣ чрезъ 3-го или чрезъ 10-го и составляла бы для осужденнаго прискорбное похмѣлье на чужомъ пиру.

г) Наконецъ, къ числу совокупныхъ, т. е. личныхъ, семейныхъ и разносторонних вліяній надо отнести зачастую обусловленную ими—неисправимость субъекта. Это любимѣйшее, изъ всѣхъ слышанныхъ мною, основаніе—для обреченія на розги присужденнаго, и для не допущенія замѣны: «Даннаго Ивана ужъ сажали подъ арестъ, подвергали штрафу и общественнымъ работамъ—ничто его не взяло; остается одно—выпороть! — Въ самомъ дѣлѣ, розга одна умѣстна для такихъ субъектовъ, которымъ арестъ не страшенъ по профессіональному бездѣлью, штрафъ по причинѣ дезабилье непримѣнимъ, а для общественныхъ работъ есть вѣрная помѣха въ прирожденной лѣни. Кто можетъ рѣшиться замѣнить имъ розги штрафомъ или арестомъ»?

По внѣшности доводъ въ общежитейскомъ смыслѣ не отразимъ; но внѣшность здѣсь, какъ и не рѣдко, обманчива.

Повтореніе преступленія и совершеніе нѣсколькихъ проступковъ, т. е. «рецидивъ» и «совокупность» предусмотрѣны Законодателемъ въ 37-й ст. Врем. Прав. и про нихъ сказано, что они служатъ прямымъ основаніемъ для присужденія розогъ: «наказаніямъ, означеннымъ въ пунктѣ 4 статьи 33-й (сѣченію) могутъ быть подвергнуты *только въ особо важныхъ случаяхъ:* 1) виновные въ повтореніи, до истеченіи года, проступковъ, за которые они уже подвергались аресту и 2) совершившіе нѣсколько проступковъ»... Такимъ образомъ, не будь *неисправимости* не было бы

и *присужденія* къ розгамъ, и нечего было бы замѣнять; слѣдовательно, неисправимость принята была уже въ расчетъ судомъ, при назначеніи розогъ, и принимать ее вторично въ счетъ при замѣнѣ—значило бы грѣшить противъ логики и противъ воли Законодателя, который поручилъ земскому начальнику замѣнять розги лишь послѣ того, какъ неисправимость уже констатирована и обсуждена компетентнымъ судомъ, нашедшимъ ихъ «именно» необходимыми.

Но не взирая на законъ, рѣшаясь быть плохимъ исполнителемъ его, въ угоду сторонникамъ сѣченія, и оставляя приговоръ въ силѣ, т. е. утверждая сѣченіе—по мотиву неисправимости субъекта,—что могъ бы имѣть въ утѣшеніе себѣ земскій начальникъ? Гдѣ порука, что розги исправятъ болѣе, чѣмъ повторенный строгій аресть? Что дѣлать, если не помогутъ простыя розги,—мочить ихъ въ скипидарѣ что-ли? а затѣмъ,... а дальше?... Отчего розги могутъ непремѣнно помочь вору, укравшему только 50 рублей (компетенція волостнаго суда), и признаны безсильными, если тотъ же воръ украдетъ 51 рубль, послѣ чего онъ не можетъ быть высѣченъ, а долженъ отправляться, на основаніи закона, (ст. 17 Врем. Прав.) въ заключеніе, по приговору земскаго начальника? или розги знаютъ счетъ до 50 рублей? Отчего же тюрьма для воровъ рецидивистовъ болѣе крупныхъ не осложняется сѣченіемъ, при неуспѣхѣ первократнаго своего примѣненія? *)

*) Законодатель, очевидно, достаточно извѣрился въ значе-

Ясно, по этому, что неисправимость субъекта, ложась въ основаніи присужденія розогъ, не можетъ считаться повторно основнымъ поводомъ для исполненія сѣченія.

Вообще, сколько бы мы ни перебрали личныхъ, хозяйственныхъ и т. п. условій, сопутствующихъ обстановкѣ разрѣшеннаго судомъ дѣла, — они не дадутъ отвѣта на поставленный вопросъ: когда и кого слѣдуетъ обсчестить, и въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ замѣнять опозоренье арестомъ. Болѣе того, принятіе въ расчетъ побочныхъ обстоятельствъ было бы крайне не правомѣрно, ибо создавало бы льготы отъ позора изъ такой наличности, которая ничѣмъ причинно не связана съ даннымъ преступленіемъ, а всегда обусловливается случайностью *).

ніе розогъ, если Указомъ 17 апрѣля 1863 г., отмѣнилъ почти всѣ тѣлесныя наказанія, существовавшія до тѣхъ поръ въ Уложеніи о Наказаніяхъ.

*) Не надо забывать, что судъ вовсе не призванъ регулировать личную жизнь подсудимаго; онъ всегда изъ всей жизни его вѣдаетъ только тотъ конкретный фактъ, который предъявляется суду обвинителемъ. Судъ не есть блюститель нравовъ,—что есть широкая задача законодатели, а является однимъ изъ многообразныхъ исполнителей воли послѣдняго. Судъ даже не вправѣ вчинать обвиненіе, а долженъ только примѣрить данное жизненное явленіе, принесенное ему обвинителемъ—на законномъ аршинѣ, и отрѣзать, какъ предназначено. Ловкій непопадающійся воръ, ославленный на всю округу, наглецъ — драчунъ, ломающій ребра, но покупающій за деньги прощеніе отъ изувѣченнаго—всегда недосягаемы для суда, за отсутствіемъ посредника-обвинителя.

III.

Для чего же Законодатель велитъ Старшинѣ предъ сѣченіемъ испросить должностнаго разрѣшенія Земскаго Начальника?

Неужели для того, чтобы послѣдній произвелъ экспертизу о терпкости кожи приговореннаго, о чувствительности нервъ, о покривленіи позвоночнаго канала, объ отсутствіи порока сердца?... Для этого было бы умѣстнѣе требовать предъ сѣченіемъ свидѣтельство полицейскаго врача, или земскаго фельдшера.

Не для того ли, чтобы Земскій Начальникъ установилъ, что приговоренное лицо не принадлежитъ къ числу изъятыхъ? Но тогда приговоръ долженъ идти въ Съѣздъ на отмѣну, подобно тому, какъ если бы волостной судъ осудилъ дворянина, ему не подсуднаго, а вовсе не подлежать замѣнѣ.

Какъ же найти правомѣрный мотивъ для допущенія позорящаго сѣченія?

При всѣхъ усиліяхъ воображенія и памяти я, въ качествѣ юриста, его не нахожу, а, наоборотъ, впадаю въ неразрѣшимое тяжелое недоумѣніе. Если строгій арестъ и штрафъ, не осложняемые позоромъ, признаны Законодателемъ за равновеликія («соотвѣтственныя») съ розгой наказанія и дозволено назначать ихъ для всѣхъ *) провинившихся въ данномъ проступкѣ, то ради чего

*) т. е. изъятыхъ и неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія.

надо примѣнять еще сѣченіе, т. е. такое *особое* воздѣйствіе, которое, при двухъ равныхъ винахъ, обязательно минуетъ преступника, случайно попавшаго въ «изъятые» (вчера поступилъ въ лѣсные сторожа) и можетъ обрушиться только на человѣкѣ, случайно избѣжавшемъ—«изъятія» (вытянувшій счастливый жребій при наборѣ)? Чего ради держать въ судебно-карательномъ инвентарѣ такое орудіе, которое поражаетъ не за вину, а за случай, за такой или иной отъ воли не зависящій внѣшній признакъ (размѣръ тѣла въ длину и ширину для воинской повинности) и которое имѣетъ жертвами всѣхъ тѣхъ, кто и безъ того обиженъ судьбой: узкогрудыхъ, хромоногихъ, единственныхъ тружениковъ на семью—сыновей одиночекъ и т. п.

Не для того же, въ самомъ дѣлѣ, чтобы побудить послѣднихъ идти въ солдаты охотниками и выслужить тамъ быстро медаль съ надписью—«свободенъ отъ сѣченія»; не для того же—чтобы выучить всѣхъ не изъятыхъ перестарковъ (свыше 45 л.) зачислиться безъ жалованья въ коллегіальные выборные смотрителя хлѣбныхъ и безхлѣбныхъ магазиновъ, или въ лѣсные сторожа, караулящіе лѣсъ и вырубки по очереди... и тѣмъ восполнить свой гражданственный пробѣлъ, чрезъ полученіе диплома—«изъятаго отъ розги»...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тѣлесная неприкосновенность какъ составной элементъ личнаго достоинства.

Выше мы видѣли, что Законодатель искалъ въ земскомъ начальникѣ не одного юриста, а администратора изъ сословія «потомственныхъ дворянъ».

Остановимся на этомъ требованіи сословной принадлежности и попытаемся съ этой точки зрѣнія отыскать критерій въ отношеніи произвола по замѣнѣ розогъ.

I.

Въ нашъ вѣкъ, объединившій всѣхъ людей по интеллектуальнымъ и этическимъ признакамъ, врядъ ли было бы основательно думать, что физіологическое рожденіе отъ родителей, записанныхъ въ дворянской книгѣ, вполнѣ завершало собой искомый идеалъ; гораздо естественнѣе предполагать, что въ понятіи о принадлежности къ дворянскому роду искалось неразрывно сопрягаемое усвоеніе всѣхъ для должности желаемыхъ дворянскихъ традицій.

Далекій отъ качественнаго неумѣстнаго здѣсь анализа всѣхъ характерныхъ чертъ дворянскаго сословія, я остановлюсь только на двухъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ вопросу: 1) дворяне давно изъяты отъ тѣлеснаго наказанія и по традиціи отождествляютъ

личную честь съ тѣлесною неприкосновенностью, 2) дворяне издавна были передовымъ сословіемъ въ смыслѣ образованія.

Не знать, или забыть объ этихъ сословныхъ особенностяхъ Законодатель не могъ, а онѣ, конечно, предсказывали ему, что образованный дѣятель изъ сословія дворянъ будетъ по привычкѣ понимать и свято блюсти тѣлесную неприкосновенность, разумѣется не одну свою личную, а и всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми будетъ соприкасаться.

Противъ сказаннаго я предвижу возраженіе — что никто какъ дворяне сѣкли крестьянъ. Но если дворяне нѣкогда сѣкли по экономической необходимости и въ такую эпоху, когда сѣченіе производилось ради боли, а не безчестія, и было въ духѣ времени, согласно съ практикой правительства, выраженной въ Уложеніи о Наказаніяхъ и другихъ законахъ, то нынѣшнему дворянскому сословію можно менѣе всего поставить въ счетъ эту практику предковъ уже по тому одному, что никто какъ дворяне послѣ того содѣйствовали освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и отъ помѣщичьей розги и служили на пользу крестьянъ по доброй волѣ, въ качествѣ устроителей ихъ быта по Общему Положенію и пропагандировали просвѣщеніе. Пусть вѣрно, что дворяне одни имѣли право на все это и другія сословія потому лишь отстали, что по закону не могли съ ними равняться, — все же останется безспорнымъ, что заслуги въ области культуры добыты самимъ дворянствомъ.

Но если бы дворяне имѣли даже больше пороковъ, чѣмъ другія сословія, все же никто не отвергнетъ того, что это сословіе было единственнымъ, которое отождествляло честь—съ тѣлесной неприкосновенностью. У меня свѣжи отъ дѣтства примѣры, какъ никто не подавалъ руки и отворачивался отъ г. N только потому, что онъ «битый», т. е. получилъ пощечину и не смылъ ее.

Наконецъ, допуская, что нынѣ у иныхъ дворянъ утратились дворянскія традиціи, неужели это можетъ подорвать силу моего предположенія, что Законодатель расчитывалъ вручить право замѣны розогъ именно дворянину съ традиціями о тѣлесной чести, а не дворянину..., ищущему по суду «гражданскаго вознагражденія» за безчестіе. Мнѣ же только и надо доказать одно, что Законодатель зналъ:

а) что получающій право замѣны, въ силу традицій, будетъ чтить тѣлесную неприкосновенность, отождествляя ее съ личною честью;

б) что онъ настолько этически развитый человѣкъ, что лучше всякаго пойметъ какъ дорога каждому такая личная честь послѣ того, какъ безличіе крѣпостничества похоронено на вѣки.

Потому я считаю себя твердымъ въ предположеніи, что Законодатель вручалъ право замѣны такому дѣятелю, который постарается до самаго края законныхъ предѣловъ разширить свое полномочіе въ смыслѣ наименьшаго обезчещенія другихъ, посредствомъ нарушенія тѣлесной неприкосновенности.

II.

Дѣйствуя согласно Закона и понимая съ рожденія свою изъятость, сдѣланную для дворянъ раньше другихъ, Земскій Начальникъ долженъ прежде всего желать совершать изъятія сколь можно шире и только тогда не изъять приговореннаго, когда будетъ имѣть на то основанія; онъ долженъ разсуждать такъ: изъимать отъ розги всѣхъ—до показанія противнаго (а не наоборотъ—надо высѣчь, ибо не вижу основаній для замѣны).

Самъ Законодатель не требуетъ объясненія причинъ замѣны; самъ Законодатель, снявъ съ себя учрежденіе изъятій и передавая это право земскому начальнику, даетъ ему *одно отрицательное право*—не сѣчь и потому Земскій Начальникъ долженъ подходить къ вопросу тоже отрицательно:—не даю сѣчь, пока не найду причинъ для утвержденія приговора о сѣченіи.

Подобную причину, однако, нельзя найти въ ту минуту, когда принесутъ судебный приговоръ, для сдѣланія на немъ надписи; принципы надо себѣ выяснить заранѣе.

Отыскивая ихъ, остановимся прежде всего на терминѣ «*изъятый*». Терминъ этотъ не навязывается мною читателю, а самъ Законодатель, въ ст. 41 Времен. Прав. о Вол. Судѣ,—говоритъ: «лица изъятыя»; къ этой статьѣ отсылается Земскій Начальникъ въ ст. 29 Врем. Прав. и ему вмѣняется замѣнять розги «по правиламъ», означеннымъ въ ст. 41-й. Такимъ образомъ, по поводу дан-

наго судебнаго рѣшенія Земскій Начальникъ долженъ имѣть въ виду принципъ «изъятій». Отличительные признаки этого понятія мы уже знаемъ: титулъ «лицо изъятое» не есть похвальный листъ лицу, которое можетъ быть очень скверно; ограждается не честь лица, а честь корпораціи, къ коей принадлежитъ лицо (честь мундира), и гдѣ тѣлесное обезчещеніе, какъ слишкомъ позорящее среду—не терпится.

Такого пониманія Законодатель держался неуклонно, почему вновь другого не можетъ быть, ибо *два разныхъ* параллельныхъ пониманія *объ одномъ и томъ же* предметѣ, поселили бы на практикѣ невообразимую путаницу. «Изъятіе» (основанное на внѣшнемъ признакѣ лицъ) и «Правосудіе» —останутся всегда двумя несоизмѣримыми величинами, если не исключающими одна-другую, ибо «изъятіе» непризнаетъ вовсе индивида и его заслугъ, а «правосудіе» только и знаетъ внутреннія свойства даннаго субъекта. Сочетать эти понятія вмѣстѣ, допустить возможность параллельнаго ихъ дѣйствія (взамѣнъ существующаго поперечнаго) равнялось бы тому, какъ если бы въ одной и той же школѣ выдавали одинакіе выпускные дипломы какъ за физическое, такъ и за умственное развитіе.—Дѣйствительно, выше мы видѣли, что законодательная практика изъятій отъ розги, чуждая всякой оцѣнки личности, создала полную невозможность приложить «справедливость» къ замѣнѣ розги по субъектамъ, такъ что «изъятіе» оказалось тѣмъ стихійнымъ явленіемъ, которое стоитъ выше разцѣнки лица и подхватываетъ своимъ теченіемъ не

праваго или виноватаго, а того, кто оказался на льготномъ пути.

Такого же пониманія долженъ держаться земскій начальникъ и, отрѣшившись отъ свойствъ присужденнаго «субъекта», обязанъ былъ бы создать «группы изъятыхъ» въ своемъ участкѣ.

Попробуемъ образовывать группы въ той мѣстности, гдѣ я живу (средняя Россія).

1) Прежде всего хотѣлось бы образовать группу грамотныхъ — изъимаемыхъ отъ розги, въ случаѣ присужденія къ ней.

2) Не менѣе желательно было бы изъять отъ розги всѣхъ трезвыхъ.

3) Затѣмъ, полезно изъять всѣхъ исправныхъ плательщиковъ, въ отличіе отъ недоимщиковъ, не подлежащихъ изъятію.

4) Менѣе симпатично, но возможно, создать группу зажиточныхъ, въ отличіе отъ захудалыхъ; земледѣльцевъ и ремесленниковъ, въ отличіе отъ бездомовныхъ батраковъ; не воспрещено выдѣлить богатыхъ, имѣющихъ дома въ столицахъ,—отъ сермяжныхъ жителей деревни, и тому под.

Право создать такія группы, по ширинѣ Закона—неоспоримо; но в п р а в ѣ - л и создать ихъ земскій начальникъ?

Не говоря о томъ, что произвольное, по личному вкусу, безъ указаній Законодателя, образованіе тенденціозныхъ группъ, ничѣмъ не отличается отъ «баронской фантазіи», я нахожу подобныя тенденціи, съ одной

стороны, циничными, а съ другой стороны, противными законамъ спеціальнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какое уваженіе получилось бы къ грамотности, если бы 40 лѣтній, присужденный къ розгѣ, пользуясь 30-ти дневнымъ срокомъ до вступленія приговора въ силу и временемъ хожденія дѣла по инстанціямъ, наскоро выучился бы слогамъ и предсталъ бы къ земскому начальнику — не по поводу судебнаго рѣшенія о розгѣ, а для сдачи экзамена?..

Пришлось бы къ миртовому вѣнку придѣлать изнанку изъ березовыхъ прутьевъ. Можетъ быть это усилило бы грамотность, можетъ быть создало бы обязательность грамотности, но пока обязательное обученіе не утверждено «законодательнымъ порядкомъ», до тѣхъ поръ врядъ ли можетъ ввести его «розгой» земскій начальникъ, безъ нарушенія духа законовъ.

Тоже надо сказать о противодѣйствіи пьянству и недоимочности. Законодатель самъ установилъ пріемы борьбы съ ними въ спеціальныхъ статьяхъ и усиливать дополнительно дѣйствіе оныхъ чрезъ розгу земскому начальнику не предоставлено никакой статьей. *)

Наконецъ, проводить промышленныя, сельскохозяйственныя и прочія экономическія тенденціи—посредствомъ розги... слишкомъ претитъ разуму и нравственному чувству.

---

*) Противъ пьянства существуютъ общества трезвости, куда неудобно привлекать народъ—обѣщаніемъ свободы отъ сѣченія; противъ недоимочности имѣются 126—130 ст. Положенія о Выкупѣ и 187—191 ст. Общ. Пол.

Какимъ же способомъ найти новое дробленіе на группы, для остаточнаго неизъятаго крестьянскаго населенія? Что меня касается, то я сознаю свое безсиліе и глубоко понимаю Законодателя, который, создавъ много группъ, отказался отъ дальнѣйшаго ихъ образованія.—Но если бы и удалось напасть на безупречное дробленіе населенія на категоріи, то все же такая система нисколько не являлась бы болѣе законной, чѣмъ поголовное изъятіе всего участка отъ сѣченія (территоріальное изъятіе).

Приходится опять попытать освобожденіе отъ розогъ по «лицамъ». Здѣсь вновь найдемъ, что кромѣ несправедливости, уже извѣстной выше, кромѣ пристрастія къ личности, нарушающаго уваженіе къ закону, оказалось еще препятствіе—въ непослѣдовательности: изъятія для «среды» или «группы», которая позорится розгой, не получится, т. е. изъятіе окажется сдѣланнымъ вопреки системѣ Законодателя, почему вполнѣ естественно и явить вопіющія лицепріятіе и несправедливость, напр: вора — бывшаго выборнымъ хлѣбнымъ магазинщикомъ, кравшаго помимо магазина обѣими руками, безчестить нельзя (въ силу закона объ изъятіяхъ), а брата его сухорукаго, негоднаго въ солдаты, воровавшаго одной рукой, а не двумя, безчестить розгой можно (по Времен. Правил.). Но если нѣтъ смысла освобождать отъ сѣченія ради лица, (ибо Законодатель вездѣ считалъ розгу безчестіемъ среды), если справедливость противится освобожденію одного члена семьи или общины при неосвобожденіи

другого, если вся среда остается чрезъ то обрекаемой на тѣлесное безчестіе и не мнитъ себя изъятой, то какія основанія можетъ найти для себя земскій начальникъ, на случай утвержденія приговора о сѣченіи, въ предѣлахъ ввѣреннаго участка?

Я открыто признаюсь, что не нашелъ ни одного основанія, которое можно было бы положить въ качествѣ „мотива", при постановленіи объ утвержденіи сѣченія.

Согласуя это съ предвзятостью противъ сѣченія—законамъ не противной, мы легко можемъ себѣ представить земскій участокъ, гдѣ не сѣкутъ по отсутствію основаній для сѣченія во всѣхъ случаяхъ, а слѣдовательно и въ любомъ данномъ, конкретномъ,—и при томъ на законномъ основаніи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Руководительство мѣстной крестьянской средой.

Придя, съ юридической и сословной точекъ зрѣнія, къ выводу о правѣ не давать сѣчь ни кого, я считаю нужнымъ провѣрить его съ третьей, послѣдней точки зрѣнія, имѣвшейся въ виду Законодателя.—Выше было намѣчено, что земскій начальникъ, получающій, между прочимъ, право не сѣчь, долженъ быть мѣстный помѣщикъ и, конечно, не одно географическое прикрѣпленіе къ данной точкѣ земнаго шара и проживаніе

въ собственномъ домѣ (иногда покрытомъ «запрещеніями») играло роль того признака, которому могъ бы дать значеніе Законодатель. Очевидно, имѣлось въ виду, что помѣщикъ, соединяющій въ себѣ два другіе потребные признака, имѣетъ въ отношеніи осѣдлости тоже отвлеченный внутренній, а не внѣшній или вещный признакъ.

Существеннымъ признакомъ надо считать знаніе мѣстной жизни, дозволяющее человѣку, сжившемуся съ народомъ, умѣло удовлетворять разумнѣйшія его потребности въ направленіи, намѣченномъ Законодателемъ.

Примѣряя мѣстное вліяніе земскаго начальника (помѣщика) на аршинѣ розги и подходя къ вопросу съ этой стороны, не трудно видѣть, что такое вліяніе можно опредѣлить какъ *режимъ съ палкой и безъ палки* *)

Не вдаваясь въ повтореніе и подчеркивая лишь, что розга не есть родъ наказанія, удовлетворяющій справедливости и цѣлесообразности, а составляетъ плачевную привилегію случайной части крестьянскаго сословія—мы должны будемъ признать, что режимъ съ палкой никогда не можетъ считаться шагомъ впередъ, такъ какъ Законодатель показалъ самъ въ какомъ направленіи понимается имъ прогрессъ и, послѣ массы «изъятій», преподалъ земскому начальнику одно право: *воспрещать сѣченіе въ неизъятой средѣ.*

---

*) Это вытекаетъ изъ того, что сѣченіе зависитъ по закону—исключительно отъ земскаго начальника, которому довѣрено общее завѣдываніе участкомъ и который, слѣдовательно, властенъ учредить мягкій или жосткій режимъ.

Отсюда, естественно, получается выводъ, что земскій начальникъ, не мѣшающій дѣйствію розги и не стремящійся къ упраздненію ея, нарушитъ во первыхъ, волю Законодателя, а во вторыхъ—поведетъ ввѣренное его попеченію населеніе не по пути прогресса, а къ регрессу, т. е. проявитъ неодобрительный режимъ.

Кромѣ этого, такъ сказать, формальнаго вывода, мы придемъ къ тому же заключенію, если сравнимъ два режима по ихъ легко предвидимымъ результатамъ.—

Идеальный предѣлъ режима безъ палки будетъ тогда, когда волостные суды сами, т. е. снизу, не будутъ присуждать къ сѣченію и когда земскому начальнику, очевидно, не придется никогда «замѣнять» розги.

Объ этомъ распространяться не приходится и потому обратимся къ менѣе крайнему предѣлу — когда судьи присуждаютъ, а земскій начальникъ отмѣняетъ. Такой режимъ тоже будетъ безъ палки—по руководительству сверху.

Здѣсь первая задача оріентироваться и выяснить себѣ —*почему волостные судьи присуждаютъ къ розгѣ?*

Освѣдомляясь, по скольку это бывало возможно безъ оскорбленія достоинства суда, о мотивахъ, легшихъ въ основаніе резолюціи-- «подвергнуть 00 ударамъ розогъ» даннаго субъекта,—я подвелъ всѣ объсненія подъ три типа:

1) Въ составъ суда входили лица, выбранныя земскимъ начальникомъ изъ списка кандидатовъ внѣ всякой зависимости отъ того, какой они имѣютъ взглядъ на сѣченіе; а такъ какъ всѣ кандидаты, избранные обществомъ, должны имѣть не менѣе 35-ти лѣтъ отъ ро-

ду, то оказалось, что всѣ судьи уроженцы эпохи процвѣтанія розги.

Всего чаще въ судьи попадали люди, знающіе мѣстные (гражданскіе) обычаи, твердаго характера и непреклонныхъ убѣжденій, не поддающихся никакимъ вліяніямъ и новшествамъ, и наиболѣе пригодные творить правду; возрастъ такихъ лицъ былъ обычно 50—55 л., и потому не мудрено, что нѣкоторые изъ нихъ по рутинѣ придавали значеніе «болевой» розгѣ, услаждавшей ихъ корень ученья и освоившейся въ умѣ ихъ, при вступленіи въ совершеннолѣтіе.

2) При такомъ составѣ, все-же присужденіе къ розгѣ никогда не объяснялось увѣренностью, что она исправитъ преступника; напротивъ, въ основѣ приговора ложилось не требованіе разума, а порывъ страсти, и судья, чувствуя себя обозленнымъ, разсуждалъ примѣрно такъ: «экой противный, знать ничего не хочетъ и насъ въ грошъ не ставитъ, такъ мы ему покажемъ»! Лишнее доказывать, что такое осложненіе судейскаго безпристрастія чувствомъ злобы не можетъ считаться полезнымъ и не говоритъ за разумность и справедливость приговора, карающаго не за вину, совершенную до суда, а за держаніе себя на судѣ.

3) Случаи присужденія къ розгѣ всегда являлись исключительными и рѣдкими, что одно говоритъ за то, что розга не считалась популярнымъ или обычнымъ, по взгляду суда, наказаніемъ. Особо характерно то, что многіе давніе приговоры о сѣченіи оказались въ 1889 г. неисполненными.

Связывая это съ неблаговидными побужденіями (по чувству) судей, можно смѣло заключить, что за надобность розги не отыскалось на практикѣ основаній.

Наконецъ, не надо забывать, что судьи бываютъ разные по разнымъ волостямъ, разные по трехлѣтіямъ, а земскій начальникъ **постояненъ, одинъ на весь участокъ**, и переживаетъ многихъ трехгодовыхъ судей: обстоятельство это еще менѣе обязываетъ земскаго начальника придавать значеніе рѣдкой и непостоянной практикѣ волостныхъ судовъ въ разбираемомъ отношеніи.

При режимѣ съ розгой могла бы возникнуть у земскаго начальника колебательная практика, ничѣмъ, при отсутствіи прочныхъ критеріевъ, какъ выше показано, не оправдываемая; практика эта могла бы вызвать только обидчивость со стороны судей, приговоръ которыхъ измѣненъ въ стадіи исполненія—замѣною розги. Тогда одни судьи могли бы претендовать на то, что у другихъ судей сѣченіе утверждено, а у этихъ—замѣнено.

Еще хуже, конечно, если земскій начальникъ навсегда утвердилъ бы свое невмѣшательство въ исполненіе приговоровъ о розгѣ; получилось бы совершенное обезличеніе земскаго начальника въ этой сферѣ и атрофированіе самаго закона о правѣ замѣны.

Таковы явленія въ узкой сферѣ—судебной, при режимѣ съ розгой и безъ розги.

Вторая задача—*выяснить себѣ вліяніе розги на среду.*

Обращаясь въ почвѣ, т. е. къ населенію, мы увидимъ болѣе рѣзкіе контрасты въ результатахъ разныхъ режимовъ.

а) Для *режима безъ палки* почва уже давно подготовлялась самимъ Законодателемъ и населеніе, наблюдая за изъятіями, учреждаемыми спеціальными законами, привыкая къ тому, что всѣхъ крестьянскихъ дѣтей обучаютъ въ школахъ безъ сѣченія, и видя, что мировые суды и присяжные засѣдатели съ болѣе крупными преступниками справляются безъ розги,— убѣдилось, что кредитъ розги подорванъ, что она утратила всякое серьезное значеніе и является какимъ то забытымъ, еще не сданнымъ окончательно въ архивъ, остаткомъ отъ прежняго времени, на подобіе вышедшаго изъ моды лоскутка отъ нѣкогда цѣнимой ткани.

Понимая солидарно съ Законодателемъ малую полезность сѣченія, населеніе даже недоумѣвало—почему при равной винѣ двухъ братьевъ одинъ свободенъ отъ розги, а другой нѣтъ и послѣдствіемъ этого являлось грустное сознаніе, что далеко мужицкому сословію до общечеловѣческаго равноправія.

Конечно, грусть эта не могла быть острой, ибо рѣдкіе случаи сѣченія, обусловленные массой изъятій и скупостью волостныхъ судей на березовые прутья, не часто наводили на размышленіе о семъ предметѣ; но, тѣмъ не менѣе, это сознаніе не полной изъятости несомнѣнно шокировало крѣпость чувства сословнаго самодостоинства, указывая, что мужикъ, единственно въ силу сословности, еще кое когда считается скотомъ, которому слова, какъ быку, непонятны и для котораго кнутъ, какъ стимулъ,—необходимъ.

Подъему народнаго духа это было не маловажнымъ

препятствіемъ и паническое чувство тѣлесной порабощенности въ сильной мѣрѣ напоминало, что мужикъ не стрясъ съ себя всѣхъ регалій крѣпостного права и что сословіе крестьянское только на словахъ считается равноправнымъ съ другими.

Такимъ образомъ, общегражданскаго духа, твердаго справедливостью, а равно и тѣсной связанности съ прочими сословіями государства,—возникнуть не могло, и сознаніе, что крестьянская среда презрѣннѣе другихъ, разумѣется, служило плохимъ подспорьемъ для выработки руководящаго двигателя — что, «мы, мужики, не хуже людей и отъ другихъ не отстанемъ». Мѣсто этого двигателя замѣнялъ другой глубоко сидящій тормазъ: «знамо мы, мужики! нешто насъ за настоящихъ людей считаютъ; насъ и судятъ не по ровну». *)

Принадлежность къ крестьянству, такимъ образомъ, составляла своеобразное, незаслуженное позорное клеймо: «кандидатъ на розгу».

Продолжать поддерживать такое мрачное, подавленное правосознаніе въ крестьянской средѣ, едва-ли значило-бы содѣйствовать нравственному преуспѣянію ея,— не говоря о томъ, что бороться съ начавшимся и развивающимся сознаніемъ о безцѣльности сѣченія соста-

*) Мѣщане, живущіе въ селеніяхъ, судятся тѣмъ же Волостнымъ Судомъ на ряду съ крестьянами, но къ розгѣ приговариваемы быть не могутъ, въ силу закона объ изъятіяхъ; по этому, въ частности, кабатчика мѣщанина, снявшаго сапоги съ кліента, сѣчь нельзя, а мужика, пропившаго сапоги— можно.

вило бы весьма неблагодарный трудъ. Несравненно легче и плодотворнѣе вызвать теплую надежду, что крестьянская среда отнынѣ перестаетъ быть исключительной, сходствующей теперь лишь съ бытомъ ссыльныхъ въ отношеніи розги, а наоборотъ, можетъ считать себя не хуже другихъ свободныхъ сословій и что земскому начальнику поручено поднять ее и дозволено освободить отъ отличительнаго права быть сѣченнымъ, т. е. отъ розги, которая въ качествѣ стимула изгнана давно изъ всего окружающаго быта.

Если населеніе убѣдится, что земскій начальникъ учредилъ режимъ безъ тѣлеснаго внушенія, то оно само станетъ болѣе чутко прислушиваться къ разумной рѣчи, сильной, безъ сопровожденія припаркой, для понимающаго уха. Вмѣсто правила—«пороть надо вашего брата», оно усвоитъ другое правило—«рукамъ воли не давай» и курсъ словеснаго внушенія повысится, а тѣлесное воздѣйствіе окажется безъ спроса.

Безъ палки вліяніе административное идетъ съ добраго слова, бьетъ на лучшія стороны характера слушателя и подчиненнаго; воздѣйствіе начальника какъ земскаго, такъ и всякаго сельскаго, ложится на пониманіе, на соображеніе, особо отличительнымъ образомъ на самолюбіе, на самоопредѣленіе, на заботу объ общественномъ мнѣніи.—Безъ палки у слушателя нѣтъ трепета, нѣтъ рабской подавленности, нѣтъ исполненія безъ разсужденій, а потому остается просторъ вникнуть, обсудить внушеніе или приказаніе, воспринять его свѣтлой головой.

б) При *управленіи съ палкой*, т. е. при поощреніи сѣченію, которое чрезъ то можетъ развиться до крупныхъ предѣловъ,*) увеличивается подавленность характера, личное достоинство дѣлается не въ цѣнѣ, нѣкогда оскорблявшая насмѣшка или общественное порицаніе,— при палочномъ режимѣ,— обращаются въ горохъ, не страшный для стѣны и, вмѣсто гордаго собою человѣка, образуется «дрессированное существо». Вниманіе къ рѣчи замѣнено у него какъ бы слухомъ о томъ—не свиститъ-ли, и мысль играетъ въ одномъ направленіи— какъ бы ни влетѣло.**) Кромѣ различія въ отношеніяхъ неизъятыхъ отъ розги крестьянъ къ начальству, практика розги оказываетъ громадное вліяніе на душевный діапазонъ населенія. Гдѣ не порятъ — тамъ жалѣютъ получившаго «синякъ»; гдѣ порятъ — тамъ «синякъ»

*) подобно употребленію морфія.

**) Сравнимъ опять лошадь, бѣгущую — безъ кнута и— изъ-подъ-кнута. Первая оглядываетъ ямки, озирается на кустъ, запоминаетъ поворотъ, а слѣдовательно все время не упускаетъ изъ ума направленія; а другая—только и бочитъ голову на руку кучера, вооруженную кнутомъ, и при завидѣнномъ взмахѣ кидается опрометью впередъ, хоть на березу; пока нѣтъ взмаха, она держитъ на умѣ одно — „а вотъ взмахнетъ,—тогда наддамъ". Но еще есть лошади философы:— чѣмъ больше ее бьютъ, тѣмъ болѣе крѣпчаетъ ея протестъ и она, осаживая на кнутъ, готова выворотить весь экипажъ; съ такими только и есть справа добрымъ словомъ и терпѣніемъ; отбросивъ кнутъ, лошади даютъ одуматься, забыть о боли, и приговоромъ, охоливаніемъ, побуждаютъ дѣлать свое дѣло,— чѣмъ вѣрно достигаютъ цѣли. Такъ или иначе, но въ конномъ мірѣ платятъ дороже кучерамъ, умѣющимъ ѣздить безъ кнута, чѣмъ ѣздящимъ на кнутѣ.

пустое дѣло, о которомъ не стоитъ толковать. Очерствленіе нравовъ есть неизбѣжное послѣдствіе фамиліаризаціи розги, а какъ извѣстно преступленія именно возникаютъ въ силу ожесточенія нрава среды; при чуткости же духовной---они становятся аномаліей. Поэтому поддержаніе чистоты нравовъ немыслимо, если будетъ освящено очерствленіе ихъ, хотя бы ради какихъ нибудь логическихъ требованій.

Нѣкоторые думаютъ, что, помимо палки, притупленіе интелекта у подвѣдомыхъ можетъ быть достигнуто всякимъ другимъ строгимъ и взыскательнымъ отношеніемъ, но, на мой взглядъ, здѣсь разница громадная, ибо если подсудимый за ослушаніе закона подвергнется аресту, то самое время, проводимое подъ наказаніемъ, наводитъ его поневолѣ на размышленіе о себѣ и о содѣянномъ и, такъ сказать, поддерживаетъ духовное преобладаніе въ организмѣ человѣка; тогда какъ подъ розгой — разсуждать неудобно, а послѣ розги—пожалуй ужъ и не стоитъ.

Здѣсь у мѣста вспомнить, что сѣченіе дозволено Законодателемъ только въ немногихъ проступкахъ, направленныхъ противъ даннаго лица и его кровнаго имущества, что мною было понято выше, какъ достиженіе цѣли—отмщенія за обиду.

Какъ извѣстно, Законодатель бываетъ вынужденъ до поры до времени поступаться высшими соображеніями, ради неустраненныхъ еще общественныхъ недостатковъ; но это далеко не показываетъ, чтобы эти уступки считались ему желательными и служили руководящими.

Напримѣръ, мы знаемъ законъ, признающій кражу за гражданскій ущербъ (исковой), не караемый уголовно, когда она совершена между инородцами Мезенскаго уѣзда; Законодатель, относясь къ ней съ терпимостью, далеко не потакаетъ ей, а дополнительно поясняетъ, «*пока нравы ихъ образованіемъ не смягчатся*» (Прил. V. къ ст. 168 Улож. о Наказ.).

Тоже можно сказать и про терпимость отмщенія чрезъ розгу въ средѣ, неизъятой отъ тѣлеснаго обезчещенія; отмщеніе розгой хотя терпится Законодателемъ во Врем. Правил., но не на полномъ просторѣ, а отдано на поруку земскому начальнику, тому самому, которому поручена забота о нравственномъ преуспѣяніи и который можетъ найти, что при тѣлесномъ вразумленіи нравы врядъ-ли когда нибудь «смягчатся образованіемъ», а напротивъ, будутъ несомнѣнно ожесточаться тѣмъ больше, чѣмъ больше будетъ свирѣпствовать розга, озлобляющая своей исключительно сословной привиллегированностью, неравноправіемъ и приравненіемъ человѣка къ безсловесному.

Какъ омрачать душевное настроеніе населенія, такъ и ожесточать нравы чрезъ тѣлесную расплату на законномъ основаніи, разумѣется никогда не можетъ входить въ задачу администратора-руководителя, который въ апогеѣ своей силы всегда долженъ имѣть девизъ: «страшно не само наказаніе, а сознаніе быть осужденнымъ».

Но если бы все сказанное не убѣдило кого-либо въ томъ, что розга есть режимъ маложелательный современнымъ правительствомъ, то такому читателю я предложу

ознакомиться съ циркуляромъ М. В. Д. № 15—1891 г. Изъ содержанія его онъ увидитъ, что земскому начальнику предоставлено право отмѣнять розги и замѣнять ихъ другимъ наказаніемъ даже по судебнымъ приговорамъ, состоявшимся въ его районѣ раньше введенія Полож. о Зем. Нач., «безразлично къ тому, когда рѣшеніе состоялось» *).

Если бы дѣло заключалось не въ «режимѣ», а въ «обстановкѣ» преступленія и «личности» субъекта, то чѣмъ бы сталъ руководиться земскій начальникъ во исполненіе циркуляра при замѣнѣ или не замѣнѣ, когда приговоръ послѣдовалъ много лѣтъ назадъ и когда уже ни въ какой телескопъ не разглядишь тогдашнихъ свойствъ субъекта, тогдашней обстановки его дѣйствій и тогдашнихъ воззрѣній суда?...

Недопущеніе розги, такимъ образомъ, самимъ правительствомъ косвенно показуется какъ видъ режима, а не какъ необходимая форма тѣлеснаго отмщенія и не какъ воздаяніе лицу, но признается не безразличнымъ для «земскаго участка»; это станетъ очевиднѣе если принять во вниманіе, что во всѣхъ другихъ случаяхъ неисполненныя окончательныя рѣшенія волостныхъ судовъ прежняго типа—никакимъ колебаніямъ при новой судебной реформѣ подлежать не могутъ, и даже рѣшеній *«явно неправосудныхъ»*, постановленныхъ старымъ волостнымъ судомъ, земскій начальникъ не

*) Неприведенныхъ въ исполненіе старыхъ приговоровъ о сѣченіи, т. е. до 1889 г. было, очевидно, не одинъ или два если чрезъ два года понадобился общій по губерніямъ циркуляръ.

вправѣ представить въ Съѣздъ къ отмѣнѣ, а долженъ приказать ихъ исполнить.

Но такъ какъ розга есть безспорно атрибутъ жесткаго режима, а Законодатель рекомендуетъ земскому начальнику руководить участкомъ безъ нея, то для мѣстнаго просвѣщеннаго человѣка мягкое руководительство является почти что обязательнымъ и всегда желательнымъ, ибо создастъ ему помощника въ видѣ поднятаго правосознанія самой среды.

Относительная несмѣняемость начальника не только съ *должности*, но еще съ *территоріи*, даетъ ему вѣрное утѣшеніе, что онъ, смягчивъ сегодня нравы, быть можетъ иногда въ ущербъ минутѣ, пожнетъ плоды и вознаградитъ себя и среду благодарными послѣдствіями этого смягченія въ недалекомъ будущемъ, которое будетъ протекать все тамъ же и на его же глазахъ.

Проведя разсужденія о ненадобности сѣченія по тѣмъ тремъ угламъ зрѣнія, кои Законодатель завѣдомо считалъ присущими новоучреждаемому дѣятелю — земскому начальнику,—полному нынѣ хозяину розги въ отрицательномъ смыслѣ, и убѣдившись, что не обнаружено никакой помѣхи для постоянной замѣны розги (другими наказаніями), а, напротивъ, выяснивъ, что разумъ, сердце и требованія жизни противятся сѣченію, я вернусь къ напрашивающемуся вопросу: если все написанное вѣрно и если розга воистину отжила свой вѣкъ, то почему Законодатель не выразилъ своего неодобренія сѣченію—простымъ невключеніемъ розги въ число наказаній, налагаемыхъ волостнымъ судомъ?

Отвѣтъ, въ видѣ предположенія, данъ мною выше, а здѣсь я только подкрѣплю его. Издавая въ 1889 году «Временныя» Правила, для разноплеменной Россіи, не имѣя подъ руками строгой статистики сѣченія, Законодатель, въ видѣ послѣдней пробы, съ одной стороны давъ право не примѣнять розгу, другой стороной позволивъ присуждать къ ней,—остался вѣренъ себѣ въ послѣдовательности и осторожности. Поставивъ розгу *между* приговоромъ волостного суда и veto'мъ

земскаго начальника, Законодатель завѣдомо учреждалъ районы, гдѣ розга съ перваго дня, какъ говорится, сойдетъ на нѣтъ, и куда Законодатель о розгѣ уже ничего никогда не пошлетъ сказать; наличность же права, даннаго волостному суду, присуждать къ розгѣ, нисколько не умаляетъ логичности всегдашней замѣны, ибо,—осторожное оставленіе на всякій случай и переизданіе чего-либо стараго и малонужнаго въ текстѣ закона,—допускается въ нашемъ обширномъ законодательствѣ, при чемъ оставленіе отнюдь не отождествляется съ непреложностью бытія. Существуетъ же до сихъ поръ неотмѣненная, *по изданію 1885 года,*—1411-я статья Улож. о Наказ., хотя, казалось бы, она давнѣе розги пережила свою приложимость:

„Кто будетъ изобличенъ въ запрещенномъ законами торгѣ Африканскими неграми, или же въ какомъ либо непосредственномъ или иномъ участіи въ таковомъ торгѣ, тотъ за сіе приговаривается.... къ каторгѣ до 10-ти лѣтъ".

Конечно, можно возразить, что «Уложеніе о Наказаніяхъ» давно не пересматривалось, а потому въ немъ могутъ оказаться устарѣлыя статьи, тогда какъ «Временныя Правила о Волостномъ Судѣ» составлены всего 5-ть лѣтъ назадъ; но въ томъ то и дѣло, что *«20 розогъ»* какъ разъ не вновь придуманы *въ 1889 году,* а перенесены цѣликомъ изъ старыхъ правилъ *1861 года* и потому не надо удивляться, если кратко-«Временныя Правила» (т. е. такія, которыя должны замѣниться ожидаемыми постоянными) наскоро повторили ту законодательную норму, отъ которой жизнь, въ лицѣ

народа и подобающихъ руководителей, уже ушла и въ проявленіи которой надобности болѣе не встрѣчается.

Оставляя про запасъ 20 розогъ, Законодатель, мало того, что обставилъ *на сей разъ* примѣненіе въ новыхъ волостныхъ судахъ стараго наказанія необычайно узко, но еще употребилъ многосложное условное выраженіе—что розги въ опредѣленныхъ немногихъ преступленіяхъ могутъ быть назначены *«только въ особо-важныхъ случаяхъ»*, и тогда — *«если судъ признаетъ необходимымъ подвергнуть виновнаго* именно *сему наказанію»*.

Никогда такого условія съ судомъ не дѣлалъ Законодатель ни при одной его функціи, и потому здѣсь редакція статьи ставитъ скорѣе волостному суду *задачу обходиться безъ розги,* чѣмъ приглашаетъ пользоваться ею.

Не довольствуясь этимъ, Законодатель рекомендуетъ земскому начальнику—по своему усмотрѣнію и безъ объясненія причинъ—не допускать сѣченія *даже и въ такомъ тѣсномъ случаѣ,* т. е. съ полнѣйшею ясностью выражаетъ мысль, что розогъ онъ болѣе не желаетъ, но не рѣшается сразу ихъ всѣмъ запретить.—

Такое нестойкое и противорѣчивое положеніе розги объясняется ревнителями ея, какъ плодъ неудачнаго редактированія текста закона, будто бы допустившаго несвойственную Законодателю неопредѣленность результатовъ; но я, отвергая всякое право у кого-либо пося-

гать на ограничительную букву закона *), нахожу возможнымъ объяснить нестойкость розги въ законѣ полнѣйшей невозможностью создать ей судебно-карательную устойчивость послѣ того, какъ сдѣлано столько законодательныхъ изъятій, проведенныхъ по принципамъ, никакого отношенія къ судебному дѣлу неимѣющимъ, составляющимъ поперечныя административно—политическія струны, пересѣкающія судебный строй и нарушающія гармонію послѣдняго.

Чтобы заставить звучать народную правду, только и возможно было бы теперь поступиться окончательно розгой,—этой колесницей крѣпостничества,—у которой нынѣ всѣ колеса выбиты закономъ и жизнью изъ ранѣе наѣзженной колеи; поступиться розгой, думается, необходимо.... если только, конечно, не будетъ признано нужнымъ измѣнить неуклонную тенденцію Законодателя и отмѣнить сдѣланныя ранѣе законодательныя «изъятія».

Разрѣшенія этого болѣзненно назрѣвшаго вопроса ждать осталось не долго и ВЫСОЧАЙШЕЕ утвержденіе трудовъ работающей нынѣ Комиссіи по пересмотру судопроизводственныхъ законовъ — положитъ предѣлъ всякимъ разномыслiямъ по поводу «Временныхъ Правилъ», единственныхъ нынѣ попустителей розги для нѣкоторой случайной части крестьянскаго населенія.

---

*) Утвердившую даже 5-ти лѣтнюю практику несѣченія для „группъ“ въ 10 — 15 тысячъ человѣкъ, составляющихъ земскіе участки.

№ -20.

Складъ изданія при типографіи А. Макарова,
въ г. Гжатскѣ, Смоленской губ.